

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете истину,
и истина делает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 1—2 (49—50)

МАРТ—ИЮНЬ 1976

МЮНХЕН

Проф. Прот. АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

Человек

«Человек — это звучит гордо» — как часто мы слышим этот лозунг! Права и достоинство человека. Мы наш, мы новый мир построим... Долгой все, что мешает этому величю человека и потому долгой, прежде всего, христианство и религию с их смирением, терпением, с их постоянными вздохами о малых сих». Такова, конечно, основная исходная точка всякой антирелигии. Совсем еще недавно один молодой человек, студент, преуспевающий, энергичный, хороший, сказал мне: «религия — это костыли. Но зачем мне костыли, когда я могу и сам ходить и сам все, что мне нужно, добиться, и сам ответить на все вопросы...». И таких молодых людей много, и им кажется религия с ее воплем: «не имамы иные помощи, не имамы иные надежды...», с ее мольбой: «Заступница усердная», с ее слезами, жалостью, приниженностью *не нужной*. Это разлито в воздухе, это часть нашего мира. И не заполняется, а как будто углубляется ров между двумя этими установками: «человек — это звучит гордо» и вот этим миром мольбы и ощущения своей бесконечной слабости: «не имамы иные помощи, не имамы иные надежды». И с первого взгляда как не согласиться с первой установкой. Действительно, нужны ли еще эти костыли. Да, человек был слаб, забит, беспомощен. Он так мало знал, он жил в таком страхе: в страхе перед природой, в страхе перед людьми, в страхе даже перед самим собой, что как будто только и оставалось — в этой тьме, в этой приниженности, в этом страдании броситься на колени и искать помощи и заступничества. И отсюда это множество храмов, отсюда эта вечная, страстная мольба о спасении, отсюда это устремление к нездешнему, другому миру — «идеже несть болезни, печали ни въздыхания». Можно понять этого современного молодого человека — все это ему чуждо и непонятно. Он не живет в мире этих напуганных людей. Если религия только для «труждающихся и обремененных», то не пора ли скинуть ее со счетов истории и заняться тем, чтобы труд и бремя были гордыми, человеческими, свободными. Конечно, на все это можно было бы ответить, что христианство тоже учит о величии человека, что человек почтен и «славою и честью», что он призван, согласно Евангелию, к тому, чтобы воцариться над миром, что на нем светит «образ и подобие Божие». Но сейчас почему-то эти аргументы так мало действуют. Исторический опыт религии как будто другой: вся она, писал Розанов, вышла из народных вздохов, из этой вот мольбы и тоски о помощи и заступничестве. И потому было бы нечестно отрицать этот элемент — такой важный, такой основной, в религии. Да, христианство не скажет и не говорит: «человек — это звучит гордо», а будет вечно повторять строчку псалма: «Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит». Да, христианство действительно призывает к *смирению*, а не к гордости. Оно действительно говорит, что без Бога и без религии — человек жалок и беспомощен, и страшен, в нем, в христианстве нет этого оптимизма: «Мы наш, мы новый мир построим». Сейчас делаются попытки со стороны христиан засыпать ров, но засыпать его как раз отрекаясь так сказать от всей этой стороны христианства — со стороны жалости, смирения, милосердия

— и подчеркивая мотив «человек — это звучит гордо». Но в том-то и все дело, что таким образом ров засыпать нельзя. Ибо христианство превьше всего и прежде всего ставит не внешний успех человека — не завоевание пространства и не скорость самолетов и даже не физическое благополучие общества. Всего этого оно не отрицает, все это оно считает важным. Но прежде всего и превьше всего оно ставит нравственную красоту и духовное совершенство человека. Или, еще точнее, оно отрицает всякую ценность за материальными достижениями человечества если эти достижения не соответствуют его духовным достижениям и нравственному росту. «Какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душе своей повредит?». Вот поразительный, единственный вопрос, с которым Евангелие обращается к человеку, к каждому человеку. Спор между христианством и материализмом только тут, только в этом. И сердце христианства в этом нравственном подходе ко всему в мире. И если с этой точки зрения вдуматься в тот мотив христианства, который кажется столь чуждым современному человеку, тому вот молодому, хорошему и энергичному юноше, о котором я говорил в начале этой статьи в мотив жалости, в мотив мольбы о помощи, во все то, что этот молодой человек называет «костылями», то все это предстает в совсем ином свете. «Не имамы иные помощи, не имамы иные надежды...». Нет, не о внешней помощи вызывает, прежде всего, эта молитва. Эта молитва, это мольба человека, видящего образ нравственного совершенства, духовной красоты и знающего, как он далек от них, и взывающего о помощи.

Можно полететь на луну, можно побить еще тот или иной мировой рекорд. Но как прибавить хоть немного любви и света в душе, как полюбить человека, как победить зло, зависть, мелочность в своей душе? Как сделать так, чтобы не остаться равнодушным ни к одной слезинке ребенка, о которой говорил Иван Карамазов? Напрасно думают, что христианство вышло из вздоха страха и беспомощности. Да, это вздох. Но это вздох о праведной жизни, вздох о том мире, в котором светятся правда, милосердие и любовь, который живет тоской о подлинном братстве и единстве людей. «Много нас по свету бродит, правды ищет», — говорит Касьян с Красивой Мечи в знаменитом рассказе Тургенева. Читаешь все это, слушаешь все эти молитвы и вдруг открывается, что величие и достоинство и богоподобие человека — не в успехах техники и не в завоевании пространства, а как раз в этом *смирении*, в котором враги христианства видят его слабость. Вот ученый фон Корен в «Дуэли» Чехова: он весь преисполнен гордости и достоинства человека, и с высоты этой гордости он презирает слабого и порочного Лаевского. Но только тогда, когда он смиряется, когда понимает, что любовь и жалость выше и больше его формальной праведности и безупречности, когда внутренне он открывает для себя душу Лаевского, только тогда он действительно побеждает. И вот только в этом, только об этом христианство. В чем величие, гордость и достоинство человека? В этом весь вопрос.

Н. О. ЛОССКИЙ

Индустриализм, коммунизм и утрата личности*)

Нам довелось жить в знаменательную историческую эпоху перехода к новому экономическому порядку и вместе с тем к новому духовному строю жизни. Высокое развитие техники и взаимозависимость экономической жизни всех народов обязывает к организации хозяйственной деятельности, как единого целого, к плановости ее и осуществлению многих требований социализма. Правда, наиболее распространенная социалистическая партия (социал-демократия) терпит во многих странах, вследствие своего доктринерства, узости и фанатической нетерпимости, тяжкие поражения; на место ее победоносно выступают другие общественные течения, но силою необходимости они принуждены осуществлять многое из того, чего требует социализм. Когда новая форма экономического порядка будет осуществлена, возможно, что человечество станет создавать грандиозные материальные богатства, которые могут быть средством для пышного расцвета индивидуальной духовной жизни и высокого подъема духовного творчества; возможно однако и то, что развитие общественной жизни пойдет по иному пути, ведущему к падению духовного творчества и такому принижению личности, что не для кого будет существовать богатству.

Признаки упадка личного, индивидуального бытия человека появились в самых различных странах: в Советской России, в Соединенных Штатах Америки, в Германии. Поэтому можно предполагать, что современная культура содержит в себе много различных условий, таящих в себе тенденцию деперсонализации человека. Из них я рассмотрю лишь односторонний коммунизм и индустриализм, т.-е. чрезвычайное развитие промышленной деятельности, связанное с преувеличенною оценкою ее значенности, как например, в Соединенных Штатах Америки.

Чрезвычайное развитие промышленности в Соединенных Штатах, кипучая активность американцев, быстрый темп жизни требует развития двух способностей: восприятия внешнего мира и быстрого ответа на это восприятие действием вовне. При этих условиях внутренняя душевная жизнь остается мало развитою: фантазирование, мечтательное настроение, философское умозрение не свойственны американцу; на это у него нет времени. Социальные функции человека развиваются и выдвигаются на первый план, темп осуществления их очень ускоряется, но они принимают стандартизованный характер и становятся безличными; индивидуальное общение человека с человеком, вживание одного лица во внутренний, единственный и незаменимый мир другого лица ослабляется, способность к нему отмирает. Особенно заметно это в таких общественных учреждениях, как, например, большие магазины, рестораны, почта, где ежедневно выполняется множество функций: служащие в них вырабатывают безличное отношение к клиентам, и клиенты пользуются услугами их также безлично, едва замечая их внешность настолько, чтобы ориентироваться при сношениях с ними. На первый взгляд эта безличность кажется очень полезным приспособлением: она ведет к значительной экономии сил. Однако отсюда возникает опасность распространения безличного отношения на все случаи общения людей, опасность отмирания внутренней жизни и превращения человека в робота. Остаток личного отношения символизируется еще приветливою улыбкою, но и она стандартизована и потому могла бы быть воспроизведена роботом.

Не только при выполнении профессиональных обязанностей, но также и в остальных сторонах жизни современная цивилизация выдвигает на первый план социальное общение, оставляя мало места общению индивидуальному: встречи с людьми происходят преимущественно в самых

разнообразных обществах, клубах (например, в Соединенных Штатах), на съездах официальных приемах, обедах, раутах и т. п. Отношения людей в этих собраниях глубоко отличаются от индивидуального общения. Чтобы отдать себе отчет в этом, представим себе то глубокое, интимное проникновение в индивидуальную, своеобразную внутреннюю жизнь, особенно в семейной жизни, в отношениях жениха и невесты, мужа и жены, родителей и детей, братьев и сестер, дедушек и бабушек и внуков; единственные, неповторимые и незаменимые по своей ценности переживания возникают в этой атмосфере индивидуального общения каждый день. Не менее высокую цену имеют индивидуальные связи, возникающие на почве дружбы, и даже простое приятельство вносит в жизнь много света и тепла. Совсем иной характер имеет общение людей в политическом клубе, научном обществе, на съезде, вообще в собраниях объединенном общими целями, интересами или учениями, выразимыми в отвлеченных понятиях. Здесь человек является не как индивидуум, а как социальная единица, элемент или орган социального целого. Переживания могут быть чрезвычайно сильными и значительными, особенно у вождей, учителей, артистов, которые привлекают к себе общее внимание и приобретают славу, влияние, положение своим общественным творчеством; они воспринимаются обществом, как индивидуумы, и сами переживают свою деятельность, как индивидуальное творчество, но все остальные, которые следуют за ними, превращаются в однородную массу, и задача социального влияния вождей и учителей состоит в том, чтобы выработать у многих лиц одинаковые взгляды, вкусы и действия. Такая цивилизация стандартизует не только вещи, но и многие духовные проявления человека.

По мере того, как социальное общение начинает господствовать над индивидуальным, и все большее количество функций человека социализируется, все более удручается привычка смотреть на человека не как на единственного и незаменимого в своем личном своеобразии Петра Ивановича Х, а как на экземпляр прутяпы, выразимой общим понятием: инженер, профессор математики, полицейский, шахтер. В этом своем социальном аспекте человек ценится за определенные качества, делающие его пригодным для выполнения точно установленных функций; индивидуальное своеобразие его все менее ценится и не замечается; мало того, в тех случаях, когда оно ярко выступает и выделяется из общего стандартного фона, оно кажется отталкивающим, заслуживающим осуждения, как это прекрасно изображено в романе *Синклера Льюиса «Babbitt»*. В русской литературе о «дегуманизации» человека, возникающей под влиянием крайнего индустриализма, давно уже говорит *Н. А. Бердяев*. В германской литературе недавно заговорил об этом граф *Кейзерлинг*.

Стандартизация и социализация поведения очень упрощает и потому облегчает жизнь. Лев Толстой со свойственным ему мастерством обрисовал чувство успокоения и облегчения, которое испытал Николай Ростов, вернувшись из Москвы на театр военных действий в свой полк: «Тут в полку все было ясно и просто. Весь мир был разделен на два неравные отдела: один — наш Павлоградский полк, а другой — все остальное. И до этого остального не было никакого дела». «Выдумывать и выбирать нечего, только не делай ничего такого, что считается дурным в Павлоградском полку; а пошлют, делай то, что ясно и отчетливо определено и приказано, — и все будет хорошо». Ростов поставил себе целью «служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером, т.-е. прекрасным человеком, что представлялось столь трудным в миру, а в полку — столь возможным».

Свободное искание совершенного нравственного добра, истинного миропонимания, подлинной красоты таит в себе

*) Эта статья была написана в 1936 году. Тем более она интересна по своей актуальности через 40 лет. (Ред.)

опасности срыва в пропасть, возлагает на человека личную, индивидуальную ответственность, требует сильного независимого характера. Неудивительно, что многие люди готовы отдать свое первородство за чечевичную похлебку, отказаться от развития своей индивидуальности и низвести себя на степень клетки социального целого, лишенной всякой самостоятельности. Вступлению на путь такого унижения личности содействуют распространенные в наше время философские учения, неспособные выработать понятие индивидуума, как абсолютно ценной, неповторимой и незаменимой сущности; таковы материализм, биохевиоризм, позитивизм, так называемая «научная философия» и т. п.

Там, где государство сознательно вступило на путь полного подчинения индивидуума обществу и социализации всех функций человека, является тенденция принудить всех граждан принять одно и то же казенное мировоззрение: в СССР диалектический материализм обязателен для всех профессоров, учителей, журналистов, служащих; в Германии является тенденция придать идеологии расизма значение обязательного мировоззрения. Длительное господство такого режима ведет, как это наблюдается в Советской России, к глубокому упадку философии: движение философской мысли вперед прекращается философское исследование бытия, вследствие привычки к готовым формулам и обязательности их, исчезает и заменяется доказательствами посредством цитат из канонизированных авторов, целые фразы или части фраз становятся стереотипными и повторяются во всех книгах и статьях с удручающим однообразием. Дальнейшим фазисом такой эволюции должно быть полное исчезновение философской мысли и замена ее речевыми рефлексами; наконец, и эти рефлекс должны отпасть и функция выработки мировоззрения может замениться указанием на символ, вроде серпа и молота, омастики и т. п.

Естественным следствием такой эволюции является стремление государства подчинить себе все журналы и газеты и допускать только казенную прессу, как это уже осуществлено в Советской России. Интерес населения к такой прессе падает; постепенно она должна превратиться в информационные листки с объявлениями, сообщениями о фактах общественной жизни и т. п.; кроме того, она может еще играть роль средства для дрессировки граждан, вырабатывающей у них новые привычки, требуемые частыми изменениями в области техники, в порядке общественной жизни и т. п.

Искусство при таком направлении эволюции подчиняется задаче исполнять «социальный заказ», как это наблюдается уже в Советской России. Оригинальное художественное творчество, ставящее человека лицом к лицу с последними тайнами мироздания, способное перевернуть всю душу человека и направить развитие его на новые пути, невозможно в таком обществе: где нет свободы индивидуального искания, там не может возникнуть «Божественная Комедия», «Гамлет», «Фауст», «Братья Карамазовы». Искусство, как и философия, становится средством выработки у граждан единообразного, для всех обязательного миропонимания. Но и эта роль принадлежит ему лишь в начальном периоде такой эволюции. Когда эта цель будет достигнута и внутренняя душевная жизнь личности настолько опустошена, что всякое лицо будет низведено на степень только средства для выполнения общественных функций, тогда и роль искусства станет более подчиненной: оно будет низведено на степень лишь забавы, игры.

Человек, с опустошенной внутренней жизнью, сохранит преимущественно два типа функций: *рецептивные* и *моторные*, т. е. восприятие внешнего мира и мускульные реакции на него. Соответственно этому искусство, низведенное на степень забавы, будет состоять из романов со «счастливым концом», балетных спектаклей, кинематографических представлений со стремительной сменой действий. Такие рецептивные забавы не более содержательны, чем зрелище спортивных состязаний или поездка на автомобиле с быстрою сменой впечатлений без сосредоточения и углубления в них, вызывающего расцвета

внутренней душевной жизни. Моторные игры, футбол, теннис и т. п. и всевозможные спортивно-моторные состязания уже теперь занимают много места в жизни человека, а тогда они расцветут еще более пышно.

Общество, в котором личность рассматривается не как абсолютно ценный индивидуум, имеющий цель в самом себе, а как только средство для процветания коллектива, утрачивает идею неотъемлемых прав личности: отношения государства к индивидууму определяются в нем не правом, а социальной целесообразностью; любое вмешательство в жизнь личности считается допустимым, если оно признано полезным для коллектива.

Есть два мощных фактора, выступающих на защиту прав личности: христианская религия и семья. Христианство признает абсолютную ценность личности, сотворенной по образу Божию; оно утверждает, что кроме жизни в биологическом смысле, есть еще более высокие *сверхбиологические* цели деятельности человека; выше общества, нации, государства оно ставит отношение человека к Богу и к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, вечной и совершенной жизни в Боге. Высшие творческие деятельности человека осуществляются не иначе, как на основе бескорыстной *любви* к Богу и абсолютным ценностям, к числу которых принадлежит также и ценность личности; подлинная, т. е. бескорыстная любовь возможна только, как *свободное* проявление человеческого духа. Поэтому, согласно христианскому мировоззрению в его последовательно продуманной форме, существуют такие области жизни человека, в которые насильственное вмешательство извне кощунственно.

Христианская религия защищает неотъемлемые права человека, исходя из абсолютного достоинства личности, имея в виду идеал достижения ею абсолютного совершенства. Семья гораздо непосредственнее, чем религия, отстаивает права своих членов на основе любви к ним и конкретного переживания абсолютной ценности их; далее, на этой почве естественно возникает признание за каждой личностью таких прав, нарушение которых недопустимо ни в каком случае. Отсюда понятно, что эволюция общества, отвергающая самоценность личности, сопровождается борьбой против христианства и против семьи. Бешеная ненависть советских коммунистов к христианству и жесткая борьба их против религии известна теперь всем. Семьи они также стараются принизить и разложить, распространяя учение о том, что любовь есть не более, как удовлетворение физиологической потребности, и стремясь оторвать детей от родителей путем воспитания их в приютах или, по крайней мере, путем вовлечения их во всевозможные комсомольские и пионерские организации, клубы и т. п.

Когда индивидуальные связи человека с человеком разорвутся, личность в ее индивидуальной внутренней жизни обесценена, а ценность общества безмерно преувеличена, тогда естественно является такое вмешательство государства в личную жизнь, как насильственная стерилизация субъектов, потомство которых может оказаться экономически или биологически убыточным для общества. Дальнейшая ступень вмешательства государства в личную жизнь будет состоять в том, что все размножение будет регулироваться правительством. Искусственное оплодотворение, применяемое теперь в скотоводстве, может быть использовано и для управления размножением человечества. Тогда в обществах, увлекающихся идеею чистоты расы, сотни тысяч самок могут быть оплодотворены семенем нескольких образцовых представителей расы, или, может быть, даже одного вождя. *Остальным* гражданам половые функции могут быть предоставлены в виде «забавы», не ведущей за собою никаких осязательных последствий. При таких условиях эта функция у громадного большинства человеческих особей атрофируется бы и они превратились бы в беспольных рабочих, как это наблюдается у муравьев, термитов, пчел. Ил. Мечников давно уже писал о возможности такой эволюции, при

которой произойдет «разделение людей на наиболее и наименее плодovitых или даже и вовсе бесплодных».¹⁾

Такому направлению развития человеческого общества способствуют псевдо-научные теории современной евгеники, не усматривающей сверхбиологических целей и функций человека. Исходя из чисто натуралистического миропонимания, она ценит только здоровье и силу среднего человека и упускает из виду, что эпилепсия, истерия и т. п. отклонения от нормы, может быть, являются, в условиях земного ограниченного бытия, неизбежными спутниками гениальности, творящей новые высшие ценности. Я вовсе не утверждаю при этом, будто всякий гений есть душевно и телесно больное существо. Я имею в виду только то, что гений рождается в семье, в которой упроченное равновесие среднего типа жизни нарушено и потому возможно появление нескольких индивидуумов с болезненными расстройствами и одного счастливого исключения, носителя новой, оригинальной формы творчества, обогащающего жизнь всего человечества. Если это верно, то управление размножением на основе теорий современной науки приведет только к понижению духовности человека и выработке расы биологически здоровых и шаблонно «красивых» посредственностей. Впрочем, это именно и нужно тому обществу, в котором отвергнута абсолютная ценность индивидуальной личности жизни и поставлена цель превратить человека только в подчиненный орган коллектива.

Дальнейшая ступень развития в этом направлении будет состоять в том, что государство сочтет себя в праве уничтожать идиотов. Вступив на этот путь, нельзя уже остановиться и найти границу допустимого: уничтожению станут подвергаться неизлечимо больные, дети, родившиеся слабыми, болезненными и уродливыми (как это было в Спарте), наконец, старики, как это практикуется у некоторых первобытных народов. Одно калифорнийское племя расправлялось со стариками очень просто: дряхлого отца семейства, неспособного принести вязанку дров из леса, валили на пол, клали ему на шею палку и два человека садились по краям ее, надавливая ее, пока старик не задохнется.²⁾ Культурное человечество, конечно, не будет применять таких варварских приемов: оно изобретет средства безболезненного умерщвления бесполезных членов общества и даже позаботится об эвтаназии их (блаженной смерти).

Возможен следующий парадокс исторического развития человечества. В современном, сравнительно бедном обществе, с развитым институтом частной собственности неимущие больные, старики и т. п. предоставлены своей участи, они страдают и умирают свободно; коррективом против этих бедствий являются личные индивидуальные отношения человека к человеку, семейная любовь, дружба, приятельство, побуждающие оказывать помощь страждущим иногда из последних средств и сил; на этой почве признания ценности всякой личности в современном обществе все более развивалось человеколюбие вообще и заботы о создании общественных организаций для помощи больным, старикам, неспособным к труду. Общество, в котором будет отменено право частной собственности, создаст при высоком развитии техники колоссальные богатства; но если оно вступит при этом на путь социализации всех функций человека, ведущий к ослаблению индивидуальных связей, личные стимулы помощи страдающему индивидууму, как таковому, опадут, а заботы о целесообразном, т.-е. выгодном коллективу использовании общественного имущества чрезмерно возрастут, и отсюда возникнет практика уничтожения бесполезных обществу лиц. Возможен даже и такой общественный порядок, при котором определено число особей, выполняющих те или иные общественные функции, наиболее выгодные для коллектива; как только, при изменившихся условиях, число их окажется слишком большим, избыток особей, именно тех из них, которые менее приспособлены к деятельности, уничтожаются. Недавно, при обсуждении вопроса о средствах борьбы с безработицей, одно лицо высказало мнение, что современный экономический кризис

легко можно преодолеть следующей простой мерой: рабочие, достигшие сорокалетиюлетнего возраста, становятся менее способными к труду; их надо уничтожать, тогда безработных не будет. В высоко развитом социальном строе термитов этот прием ограничения числа особей уже осуществлен: если в гнезде количество воинов слишком велико, часть их перестает получать пищу и таким образом обрекается на умирание от голода. В Советской России к этому приему прибегают в отношении ко всем лицам, которые считаются психологически неприспособленными к коммунистическому строю, как священники, бывшие помещики, фабриканты и т. п.; они зачисляются в разряд лишенцев и теряют право получать продукты из кооперативов, что в стране, где почти уничтожена свободная торговля, неизбежно ведет к голодоанию. Если такой голодающий унесет с поля пучок колосьев или из колхозного амбара горсть зерен, он подвергается опасности расстрела вследствие доноса не только односельчан, но даже и собственного сына, дочери или внука. В самом деле, в стране, где ценность коллектива абсолютирована, шпионство и доносительство прославляются, как добродетели. В Советской России дети, предавшие членов своей семьи путем доноса, получают особые награды и удостоиваются всяческих похвал, как лица, поставившие интересы общества выше личных отношений.

С ужасом думая об обществе, в котором личные индивидуальные отношения почти утрачены, я вовсе не собираюсь проповедовать отказ от машинной промышленности и возврат к единоличному ручному труду, а также вовсе не желаю пробудить преувеличенный страх к социализму или коммунизму. Человеческая природа чрезвычайно пластична и способна к многосторонности: высокое развитие социальной организованности, требуемое современной промышленностью и переходом к осуществлению некоторых сторон социалистического идеала, вполне совместимо с сохранением и даже углублением личных индивидуальных отношений, духовной свободы и индивидуального творчества. Чтобы осуществить синтез социального и индивидуального развития, необходимо отстаивать ценности индивидуального общения, семьи, дружбы, приятельства, поддерживая все, что содействует углублению внутренней душевной жизни.

Разрабатывать идеал, сочетающий социальные и индивидуальные ценности, можно только на основе мировоззрения, свободного от односторонности как атомистического индивидуализма, так и универсализма, отрицающего ценность индивидуума. Христианское мировоззрение именно содержит в себе синтез высоких сторон индивидуализма и универсализма: оно утверждает абсолютную ценность индивидуальной личности, но открывает, что совершенного осуществления своей индивидуальности личность может достигнуть не иначе, как на основе любви к Богу и ко всем другим личностям, на основе *единодушного стремления* всех существ к достижению полноты жизни путем *соборного творчества*.³⁾

Сторонники иерархического персонализма признают, что человеческое общество есть личность высшего порядка, т.-е. стоящая на более высокой степени развития, чем входящие в ее состав люди, и каждый член общества обязан отдавать часть своих сил на служение целому. Однако, из положения, согласно которому всякая личность абсолютно ценна, вытекает следующее парадоксальное следствие: личность составляющая часть социального целого, поскольку она есть абсолютная ценность, равна социальному целому по своему достоинству и не должна быть низводима на степень только средства, только органа целого. Конечная цель всякой личности, участие в собор-

¹⁾ Ил. Мечников, Закон жизни. По поводу некоторых произведений Г. Толстого. «Вестник Европы», 1891, сентябрь, стр. 252.

²⁾ См. Westermarck, Ursprung und Entwicklung der Moralbegriffe. I т., 324 с.

³⁾ См. мои книги «Свобода воли» и «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей».

Н. И. ОСИПОВ

Угрожающие обломки сталинщины

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ОСИПОВ (1889—1963)

Николай Иванович Осипов родился в 1889 г. в Риге. Учился в петербургском университете, который окончил в 1912 г.

Николай Иванович был многосторонне одаренным человеком. Он совмещал в себе качества глубокого исторического исследователя, блестящего публициста и идейного общественного деятеля. Жизненные обстоятельства Николая Ивановича сложились однако так, что долгие годы всем этим его талантам не нашлось непосредственного применения. В советской России участием такого человека как Н. И. могли быть только внутренняя эмиграция и принужденное молчание.

Н. И. переживал трагедию России как свою личную трагедию. Раскрепощение русского народа было главной идеей его жизни.

Во время 2-й мировой войны Н. И. очутился на Западе. После войны начал он заниматься интенсивной публицистической и общественной деятельностью в эмиграции. Был некоторое время членом НТС. Но оригинальность его

Десталинизация — факт сам по себе мало значительный и малоинтересный. Развенчание Сталина не коснулось основ сталинизма, на которых стоит СССР. Ничего не изменилось по существу. Еще раз большевизм проявил свое основное свойство: неспособность изменяться. Впрочем эта неспособность связана у него с большой гибкостью и с видимостью перемен.

По отношению к большевизму русский народ никогда никаким сфинксом не являлся. В окопах большевицкая агитация имела успех, но в лозунге: «Долой войну! Мир без аннексий и контрибуций», — ничего большевицкого не было. Армия самодемобилизовалась, и это было в своем роде грандиозным явлением. Но к революции и ее посулам мужик отнесся с подозрительной настороженностью и в присядку не пустился. Конечно, он не прочь был половить рыбку в мутной воде, т. е. прибрать к рукам, что возможно из помещичьего имуществва. Полагал, что хорошо бы обойтись без налогов и вообще без города. Покупал трюмо и пианино за картошку, бывал часто при этом прижимист, а иногда щедр. Комитеты бедноты с удовольствием бы перевешал. В прядущих годах, таившихся во мгле, не различал легких абрисов коллективизации и технократа. Относился с полуодобрением к большевикам и

ном творчестве, реализующем абсолютные ценности, достижима не иначе, как путем свободных исканий и усилий каждой личности. К этой цели ведет не нивелировка, а индивидуальное воспитание каждой личности, приобщающее к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, полноты соборной жизни. Для использования досуга, который явится при возрастании материального богатства, необходимо уже теперь приобщать народные массы к духовным благам культуры. Высшее образование должно в ближайшем будущем стать доступным каждому лицу, и цель его должна состоять в том, чтобы подготовить каждое лицо, соответственно его способностям, к активному, хотя бы и скромному участию в высших формах творчества в области техники, науки, искусства, религиозной жизни.

Осознать и осуществить способы развития свободной индивидуальной личной жизни необходимо потому, что мы стоим на распутье исторического процесса: от нашего выбора зависит, начнем ли мы строить нечто вроде гнезда термитов, где каждое существо превращено только в орган целого, или же создать общество свободных личностей, одушевленных любовью к социальному целому, но вместе с тем и к индивидуальному личному бытию.

позиции, непримиримость ко всяким стандартам и пред-рассудкам поставили его вне всяческих партийных течений.

Его блестящие статьи в эмигрантских журналах и газетах вызвали всегда живые отклики и побуждали к пересмотру многих, казалось бы установившихся постулатов. Ходячие мнения о России на Западе, о революции и большевизме, о дореволюционном прошлом России подвергал Н. И. непредвзятой критике и противопоставлял им серьезное и глубокое исследование. Эту борьбу наперекор стандартам можно назвать умелой защитой и признанием Н. И.

Судьба отмерила ему только 15 с небольшим лет жизни в свободном мире, вне тоталитарной системы. Этых 15-ти лет беспрепятственного духовного творчества не хватило на создание большого исторического труда, о котором мечтал Н. И. Но он оставил после себя большое количество замечательных, оригинальных статей, благодаря которым создается незабываемое впечатление об этом самобытном мыслителе и борце за свободу России.

Л. Л.

крайне отрицательно к коммунистам. Вообще же, крестьянская «стихия» была очень себе на уме и действовала с оглядкой. Держала себя осторожненько и искала соглашения с помещиками. Еще во времена НЭПа тамбовские мужики пытались откупиться от помещиков миллиардами керенок, делая вид, что этот хлам имеет какую-то ценность. Несбежавших помещиков подкармливали на всякий случай. В новой власти солидарности не чувствовали, а предъявляли спрос именно на солидарность. На продразверстку и отобрание излишков ответили не только сокращением посевной площади, но и бунтом, отнюдь не бессмысленным, весьма умеренным по своим требованиям и совершенно разумным. Ленина, шутка сказать — самого Ленина, заставили бить отбой (такое больше не повторялось) и завоевали для России НЭП. Все, что можно было сделать для спасения России, мужики, в меру своего разума, сделали: перед Россией в долгу не они.

Никакая народная «стихия» в большевицкой революции не торжествовала, с трудом можно рассмотреть только эталон ее проявления. Махновщина, и та никакая не стихия, а просто отхожий промысел. Сам Махно очень мало общего имел с греческим богом Дионисом, его агитпроп, Левка Задов — еще меньше. Был Махно просто идейным бандитом и типичнейшим полуинтеллигентом. И если уж величать махновщину стихией, то надо признать, что стихия эта в борьбе с интеллектом Троцкого потерпела самое жалкое поражение.

Поведение народа было кристально ясным: никакой «ам слав», изобретенной специально для искусственного произведения тьмы египетской и беспомощного разведения руками — в нем обнаружить невозможно. Белогвардейцы об «ам слав» не рассуждали и больше полагались на здравый смысл. Взятых в плен красноармейцев первым делом снабжали погонями «дабы они не имели отвратительного беспогонного товарищеского вида» и, преобразовав таким образом их психологию, формировали из них целевые полки. Полки эти, как например, легендарный Саммурский, вполне оправдали доверие добровольческого командования и, как принято выражаться, «покрыли себя неувядаемой славой» в боях с большевиками. Подобные факты свидетельствуют о чем угодно, но только не о том, что сила большевицкой пропаганды была неотразима.

Никакой непобедимой стихии не было, а были венгры, латыши и китайцы, а русский мужик лежал на печи, откуда Троцкий стаскивал его за ноги в порядке мобилизации. Тогда мужик дезертировал. Число дезертиров перевалило за миллион. Вот это была стихия, но большевики ее за свою не признали.

Дезертиры не только дезертировали, они и возвращались под знамена III Интернационала и не всегда в результате облавы. Возвращались потому, что в деревне есть было нечего и не хотели объедать голодающих родителей в то время, как в армии давали 400 грамм хлеба с кое-какой приваркой. Возвращались, чтоб избавиться родных от репрессий советской власти. Но гипноз стихии был не причем в поведении этих блудных сынов революции.

В Москве партию мобилизованных обули в лапты, припасенные усилиями и талантами советских заготовительных организаций. Онучей не выдали, то ли потому, что для их заготовления не хватило талантов, то ли потому, что Троцкий, имея понятие о перманентной революции, не имел понятия об онучах. Бойцы возмутились и сожгли миллион пар лаптей, что было жестоким ударом по экономике РСФСР. На ту беду им уже выдали винтовки, почему расстрелять их с удовольствием оказалось затруднительным. Пришлось Троцкому явиться на место аутодафе и произнести над прахом безвременно погибших лаптей одну из своих пламенных речей. Не полагаясь всецело на идеологические доводы, он пообещал бойцам по паре отличнейших сапог на душу, с оговоркой, что сапоги эти могут быть выданы только после победы над классовым врагом. Но сапоги нужны были именно для победы. Однако красноречие превозмогло логику, и бойцы, осыпая ругательствами и классового врага, и советскую власть, и светлое царство социализма, согласились итти на фронт без сапог.

Осыпной аргумент всяких экспертов по русскому вопросу в защиту всемогущей стихии — это ссылка на собственное непонимание. «Мы не понимаем возможности торжества революции без помощи неистовой стихии, следовательно стихия существует». На самом деле существует только непонимание, а никак не стихия.

Правильно мнение, что поскольку можно говорить о русской стихии, большевизм восторжествовал в борьбе, а не в союзе с нею. Только в изображении большевиков коллективизация выглядит, как идиллическое осуществление гуманнейшего ленинского кооперативного плана. На самом деле — коллективизация — это гражданская война, которая обошлась России дорожее, чем нашествие Гитлера. Большевики воспитывают народ не пропагандой, а индустриализацией и коллективизацией, воспитывают в ненависти к своей власти, а не в любви к ней.

Не имеет смысла создать сначала ложную проблему, а потом искать ей разгадки в народной психологии. Народную психологию тревожат при этом зря. Так, например, китайскую революцию пытаются понять, исходя из китайской народной психологии. Напрасный труд: лучше обратиться к американской. Тогда все станет просто и ясно: коммунисты, которые воспринимались, как мирные аграрные реформаторы — а в этом восприятии Конфуций, ей-Богу, не виноват — непременно должны были восторжествовать.

Развенчание Сталина для русского народа не явилось откровением, ни даже сенсацией, а просто очередным открытием советской протзы.

Допустим, Якир кричал на собственном расстреле: «Да здравствует великий Сталин!» Так ведь то Якир, а не русский народ. Якиру нужна была какая ни есть, пусть ложная компенсация, легче умирать с надеждой, что твоя гибель — это ужасная случайность, а не закономерность развивающейся революции. Жирондисты тоже кричали что-то на эшафоте. А народ радовался расстрелам: «Гад гада пожирает». Не смея надеяться, не могли отделаться от сладкого предчувствия: «А ведь пожалуй и Сталина поволокут в подвал... Дожить бы...»

Народ при случае свое отношение к власти выразить умел. Когда по причине сплошной коллективизации крестьяне наполнили города и умирали на улицах толпами, они так проявляли свои настроения. Брели трупы своих умерших товарищей и ставили их в позу раскоряченного Ильича — тогда раскоряченных Ильичей на пьедесталах было множество — и держали так, пока труп не окоченеет. Не правда ли — глубочайшее и тончайшее по-

нимание заветов Ильича? И этот-то народ иные подозревают в том, что он принял культ Сталина в свою душу, а теперь озирается, разинув рот: «Как же мол так? Боженьку за ноженьку, да об пол?».

Спору нет: официальный культ Сталина существовал и притом в грандиозных размерах. За этим культом не стояло ничего. Был народный культ вождя, но не в России. В Германии сначала возникла фюрер-идея и добровольный культ фюрера, а потом тоталитаризм. В России сначала возник тоталитаризм, а потом *принудительный* культ фюрера. Происхождение культа Сталина не народное, а канцелярское. Меньше всего доказательством народности культа могут служить десятки социалистических обязательств с двумя миллионами подписей под каждым, которые подносили Сталину к его семидесятилетию. Да, целые поезда подписей, но это свидетельствует об энергии канцелярии, а не о народных чувствах. В музее революции целая зала была завалена подарками Сталину, и никого это не трогало. Теперь залу очистили, а подарки свалили в какую-то темную кладовую, и никого это не трогает.

Развенчание Сталина опять же дело не народное — народ безмолвствует — а канцелярское. Народ равнодушен и к культу и к развенчанию.

Культ Сталина, будто бы «нужен для того, чтобы была точка опоры, точка прилечения той опромной массы энергии, которая была необходима для коллективизации и индустриализации Советского Союза». За этими словами скрывается вера автора в энтузиазм, с которым люди в России будто бы коллективизировались и индустриализировались. Вера в то, что все русские люди, хоть какое-то недолгое время, были сталинцами. А этого не было. Русские люди были, есть и будут антисталинцами. О любви к Сталину они заявляли только официально. Вольно же верить этим официальным заявлениям.

Запад недоумевает: почему советский народ во время войны предпочел сплотиться вокруг личности Сталина, а не партии.

Вот образец неправильно поставленного вопроса. Оставим в стороне тот факт, что «личность Сталина» во время войны предпочла надолго ступешаться, что было совсем не глупо. Сплотился же русский народ не вокруг Сталина и не вокруг партии, а вокруг Жукова, хотя тот по натуре своей вовсе не народный герой, а марксистская дубина и палач. Но больше не было вокруг кого сплотиться.

А когда советский поэт возглашает:

Не зря, должно быть, сын Востока,
Он до конца являл черты
Своей крутой, своей жестокой
Неправоты и правоты.

То это новая мифология Сталина, официальная, канцелярская, партийная и ничуть не народная. И нужна она партийцам и больше никому. Дескать, хотя Сталин и неправ, а все же и прав отчасти, а если бы целиком был неправ, так разве мы, доблестные и мудрые партийцы, ему подчинились бы? Эти жалкие самооправдания тоже никому в России интересовать не могут.

Партия, будто бы, стремится к превращению советского человека в безвольного автомата, безоговорочно принимающего предписания партии и их выполняющего. Нет. Она этого хотела бы, но она хорошо знает, что это невозможно. Она стремится — и это вполне реальная задача — превратить живого человека в плохого актера, играющего роль автомата. Но плохой актер остается человеком с живой человеческой психологией, он Сталину цену знает и всегда знал. Поэтому развенчание не произвело никакого потрясения в его душе, и он не разочаровался в курсе истории КПСС, потому что он никогда им не очаровывался, его вера в коммунизм не пережила ни малейшего испытания, потому что такой веры никогда не существовало. Именно поэтому Хрущев мог без малейшего риска для себя выбросить из мовзолея не только Сталина, но и Ленина. Рассуждения же о том, что, благодаря осторожному жесту Хрущева, коммунизм должен был

Е. П. ПОЗДЕЕВА

Пятая Генеральная Ассамблея Всемирного Совета Церквей и ее последствия

В конце прошлого года в Африке, в столице Кении состоялась 5-ая Генеральная Ассамблея Всемирного Совета Церквей. Съезд в Найроби длился три недели, с 23-го ноября по 10-ое декабря. Для участия в Ассамблее в Найроби съехались представители 286 Церквей и религиозных объединений: протестанты, англикане, старо-католики, православные и восточно-православные, то есть монофизиты.

Римско-католическая Церковь прислала в Найроби большую и значительную по составу группу наблюдателей. Представители нехристианских религий: иудеи, мусульмане, буддисты, индусы и сикхи присутствовали на ней в качестве гостей.

Главной целью Ассамблеи было обсуждение возможности объединения христианского мира. В качестве первого этапа в этой области предполагалось постепенное слияние православных и протестантских Церквей. Ожидалось, что оно будет частично достигнуто на самом съезде через участие в общей Евхаристии. Организаторы Ассамблеи надеялись дальше на то, что Римско-католическая Церковь войдет во Всемирный Совет Церквей, возможно еще в Найроби. В этом случае было бы осуществлено экуменическое объединение всего христианского мира.

На Пятой Ассамблее должен был подняться вопрос о

вступить в полосу жестокого кризиса, основаны на совершенно ложной предпосылке, т. е. на вере, ни на чем не основанной, в существовании совершенно фантастического образа русского человека. Это — жуткий примитив, который будто бы обожал Сталина, а теперь перестал обожать и тут же усумнился в коммунизм. Удивительный этот русский человек: когда его коллективизировали и индустриализировали, он в коммунизме не сомневался, а как только ему сказали, что Сталин не божество, сейчас же «дух отрицанья, дух сомненья» овладел его душой.

На самом деле, отрицание гораздо глубже, чем это кажется авторам радостных прогнозов. Важны не фантастическое разочарование в Сталине, а те слова о Сталине, которые русские люди произносили задолго до развенчания и за которые их массами отправляли в подвал и концлагеря. Только эти слова и важны. Услышать бы их, и произвольность иных прогнозов стала бы совершенно ясной.

Да и никаких коммунистов в России нет; те, кто так себя величают, не коммунизмом интересуются, а удержанием и укреплением своей узурпаторской власти. Была горсточка энтузиастов, но энтузиазм ее не пережил первой пятилетки и был добит в сталинских чистках. Идеи коммунисты, может быть, еще водятся на Западе, в России это — давно вымершая порода. Развенчание Сталина способно произвести впечатление на Западе, тем большее, чем невежественнее в русских делах орады, которая на это развенчание реагирует. В России оно воспринимается, как очередной трюк советской власти. Был пуф сталинского величия — нет пуфа. Был пуф всенародного обожания Сталина — нет пуфа. И устои коммунистической религии от этого ничуть не поколебались и поколебаться не могут, потому что нет ни религии, ни устоев.

Советская власть не питает никаких иллюзий на счет приверженности народа к коммунизму. И вера в коммунизм не нужна ей нисколько. Ей нужно принудительное оказательство веры, фиктивное ее исповедание. Коммунистическая власть никогда ничего не сделала для укрепления веры в коммунизм, но для всяческой ее компрометации очень много. И на это коммунистам наплевать. Хрущев отлично понимал, что он делал. Он не совершил никакой ошибки. Для радужных перспектив десталинизация не оставляет места. Она не ослабила, а укрепила режим.

возможности распространения экуменизма на все религии мира. С этой именно целью на Ассамблею были приглашены представители наиболее значительных нехристианских религий. Ожидалось, что они будут заинтересованы в подобном рода сближении.

Далее на Ассамблее предполагалось поставить вопрос о возможности диалога с неверующими, в частности с марксистами. Подобного рода диалог должен был вестись на паритетных началах.

Как видно от Ассамблеи ожидалось многое. Ее организаторы были настроены весьма оптимистически. Жизнь, однако, показала полную неосуществимость этих планов.

Конференция в Найроби, хотя и была проведена под лозунгом «Иисус Христос освобождает и объединяет» не только не привела к дальнейшему объединению христиан, но вскрыла такое множество непреодолимых противоречий между отдельными членами экуменического движения, что реальная возможность объединения отодвинулась в весьма далекое будущее.

Характерной чертой конференции в Найроби были не только противоречия и конфликты между отдельными группами верующих, но иногда и скрытая закулисная борьба, не имеющая ничего общего с истинным христианством.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Конференция в Найроби по своему замыслу была христианской конференцией. Следовательно можно было предполагать, что ее участники имеют хотя бы одно общее: верят во Святую Троицу, исповедуют Христа Сыном Божиим и нашим Спасителем, признают обязательным для себя Евангельское учение.

Тем не менее, первое и повидимому самое серьезное разногласие, которое мне пришлось увидеть в Найроби, касалось самой веры в Бога.

Для одних Бог был Вседержителем, Творцом неба и земли, конкретной сверхличностью. Для других какой-то абстрактной и несколько туманной идеей.

Для первых конечной целью христианства было следование первой заповеди, то есть любовь к Богу и служение Ему. Другие понимали свой христианский долг прежде всего в свете исполнения второй заповеди, то есть в любви к людям и служении им здесь на земле.

Первые стремились к самосовершенствованию и даже подвижничеству на земле, для того чтобы достигнуть вечной жизни на небе. Другие хотели добиться счастья и справедливости на земле.

Одни считали своим долгом бороться со внутренним злом, вторые с внешним. Для одних зло имело метафизические корни, для других экономические и социальные.

На Ассамблее это проявилось в том, что одни стремились к единству через углубление богословского диалога, другие искали его в совместной практической деятельности, в особенности в области разработки и составления различного рода политических резолюций.

РАЗНОЕ ПОНИМАНИЕ ЗАДАЧ ЭКУМЕНИЗМА

Религиозные противоречия привели к разному пониманию задач экуменического движения. Значительная часть участников конференции считала целью экуменизма — углубление своей веры и распространение христианства во всем мире. Другие видели во Всемирном Совете Церквей некое подобие Организации Объединенных Наций и стремились к увеличению политического влияния этой организации. По их мнению таковое можно достигнуть только в случае расширения сферы влияния экуменического движения. Отсюда и стремление к наиболее широкому объединению со всеми, не только с христианами, не

только с верующими вообще, но и с неверующими — марксистами.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

По своему замыслу Пятая Генеральная Ассамблея должна была максимально сблизить Протестантские и Православные Церкви. Вместо желаемого объединения на Ассамблее произошло некоторого рода отчуждение и разрыв этих вероисповеданий. Это отчуждение было вызвано непониманием догматической сущности отдельных Церквей и отсутствием интереса к достижению такого понимания.

Почти во всех случаях камнем преткновения было различное понимание и различное отношение к *религиозным догмам*. В то время как протестанты стремились все время к обновлению Церкви, путем введения ряда новшеств, Православные и Восточно-православные Церкви строго отстаивали неизменность и постоянство религиозных догматов.

Так, например, большинство протестантских делегатов было весьма огорчено тем, что православные, якобы, не захотели совместно приобщаться.

«Я очень огорчен, — заявил на одном из заседаний епископ Протестантской Церкви в Заире, — эти люди пришли ко мне в дом и не хотят преломить со мной хлеб».

Огорчены были протестанты и тем, что православные не хотели согласиться с предложением протестантских женщин, предложивших в целях борьбы за равноправие женщины «открыть всем женщинам возможность пастырского служения в церкви».

Со своей стороны православных оскорбляло то, что протестанты не считали для себя нужным приходить на православные или восточно-православные богослужения.

«Мы православные, — сказал в разговоре со мною митрополит Московской Патриархии Ювеналий, — чувствуем себя все больше и больше лишними людьми на этой Ассамблее. Протестанты не понимают или не хотят понимать, что мы не можем отказаться от наших догматов. Они даже не хотят вести с нами диалог по этому вопросу. Богослужения Православной и Восточной Церкви устраиваются в такие часы, когда люди фактически не могут прийти на богослужения, а антирелигиозные спектакли входят в программу Ассамблеи».

Кстати об антирелигиозных спектаклях. Таковые действительно были и действительно входили в официально продуманную программу Ассамблеи. Но это уже другая тема. Тема расовых разногласий.

РАСОВЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Пятая Генеральная Ассамблея Всемирного Совета Церквей состоялась в сердце Африки, в Найроби. И это не было случайностью. В связи с тем, что предыдущие Ассамблеи состоялись в Европе, Америке и Азии казалось необходимым подчеркнуть равноправие и равное участие всех континентов в деятельности экуменического движения. Сыграл роль и тот факт, что нынешний генеральный секретарь ВСЦ — Поттер, африканец по происхождению и, по его собственным словам, очень хотел, чтобы встреча произошла на родине его предков. Созыв конференции в Африке повлиял и на состав ее членов. Около половины делегатов Ассамблеи были представителями стран Третьего мира. Прошлые десятилетия принесли им политическую свободу, а некоторым и экономическую независимость. Развивающиеся страны стали не только полноправными партнерами Западного мира и Социалистического блока в области торговли, но часто и решающим фактором в случае политических конфликтов между двумя соперничающими между собой группами. Это повлияло на укрепление национального самосознания развивающихся народов, придало им больше уверенности в своих силах и может быть даже развилось у них некоторую слишком большую самоуверенность.

В течение всей Ассамблеи представители развивающихся стран постоянно подчеркивали свое желание *полностью освободиться* от любого западного влияния. Это касалось не только политической, экономической и культурной сфер, но и религиозной жизни.

«Мы христиане, мы верим в Христа, но вместе с христианством вы принесли к нам из Европы вашу белую культуру. Мы не хотим вашей культуры, мы не хотим вашего белого Христа» (из заявления проф. Бена Силе — Заире).

Отрицательное отношение к Западу нашло особенно яркое выражение при постановке африканского спектакля «Мунту», показанного делегатам на второй день конференции. Того самого спектакля, который митрополит Ювеналий, да и другие представители Московской патриархии посчитали глубоко атеистическим.

Слово «Мунту» означает человек. В пьесе рассказывается о судьбе африканского народа с момента сотворения мира, до нынешнего времени. В пьесе подчеркивается, как под влиянием белых, в том числе и католического духовенства, африканцы начинают духовно разлагаться и терять человеческий облик. В конце пьесы, один из сыновей Мунту восстает против белых, изгоняет их из страны и в семье Мунту восстанавливается старый порядок жизни.

Спектакль представляет собой вызов белому миру. С этой целью он и был показан нам белым на конференции. Возможно, что его устроители не собирались при этом оскорблять своих белых зрителей, но корректным подходом это тоже назвать нельзя.

Какова же была реакция западных делегатов на африкано-азиатский вызов белому миру. Большинство белых испытывало какое то чувство вины по отношению к бывшим колониальным народам, многим хотелось испить вину своих предков, хотелось оказать помощь развивающимся народам.

«Необходимо освободиться от противоречий, которые нас разделяют. Существует только один путь и мы все знаем, чего он от нас требует. Он требует от нас признания нашей собственной вины, покаяния перед Богом и перед людьми» (Д-р Р. Мак-Афри Браун, докл. на Пленуме).

Чувству вины обыкновенно сопутствовал комплекс собственной неполноценности, стремление осудить не только себя самого, но и весь свой народ за действительные или воображаемые преступления.

«Я гражданин Соединенных Штатов. Я люблю свою страну, и одновременно глубоко стыжусь ее... Если вы прибыли на конференцию из юго-восточной Азии, то ваша страна, а может быть и ваша семья были, возможно, уничтожены самым отвратительным из всех человеческих изобретений — бомбовозами Б-52 американского воздушного флота. Если вы прибыли сюда из Латинской Америки — то тогда может быть ваши друзья или члены вашей семьи умирают от голода из-за того, что американские концерны эксплуатируют их экономически, а может быть у вас есть друзья, или кто-нибудь из членов вашей семьи, которые подвергались там пыткам, теми методами, которыми ваша полиция научилась от нашей». (Там же).

Значительно меньшая группа делегатов отвергла подобный расовый и коллективный подход к людям. Эти делегаты стояли на точке зрения, что в христианстве не может быть чувства коллективной вины или тем более требований коллективного возмездия.

«Смирненно молим нашего Спасителя, да подаст нам такое сильное и постоянное сознание нашей принадлежности к Своему Царству, которое будет сильнее сознания нашей социальной принадлежности, ведущего нас на борьбу за блага земные и руководимого Князем мира сего. Здесь нет ни Еллина, ни Иудея, ни раба ни свободного, ни мужчины ни женщины, потому что создан новый человек, созданный по образу и подобию Создавшего Его». (О. Кирилл Аргенти).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Пятая Генеральная Ассамблея Всемирного Совета Церквей, сохраняя внешне формы религиозного съезда с обязательными утренними и вечерними молитвами, цитатами из Священного Писания, разбором отдельных притч и цитат, послужила одновременно форумом для жестокой политической борьбы.

Многие делегаты съезда оказались марксистами по убеждению, другие были ими по принуждению, третьи по незнанию, но все они использовали форум Ассамблеи для борьбы с западной демократией и в первую очередь с Соединенными Штатами.

«Мы живем сейчас в мире, которому угрожает кризис. Однако эта кризисная ситуация отнюдь не случайна. В ее основе лежит неравенство и противоречивость всемирной экспансии капитализма... Мы решительно осуждаем дальнейшее распространение империалистической хозяйственной системы, родившейся из политической системы капитализма. Мы констатируем, что силы подавления действуют в нашем обществе не только в области политики и экономики, но и в области культуры... Мы призываем Церковь, в особенности Церкви в ФРГ, в США и в Японии, отречься от сотрудничества со всемирными экономическими концернами и решительно разоблачать их темные махинации». (Документ участников Молодежной Конференции).

Подобного рода выступления давали возможность представителям Московской Патриархии и представителям других Церквей из стран социалистического блока, вести открытую коммунистическую пропаганду.

«... народ России — бедный ли народ, богатый или народ, первый показал несколько десятилетий тому назад, как достичь освобождения и строить жизнь на справедливых общественных началах. На сегодняшний день уже имеется целое братство таких народов, объединенных в социалистическое содружество. Я хотел бы сказать, что дело просто, когда мы обсуждаем проблему равенства, труда, освобождения от бедности, так как это уже все превращается в жизнь в наших странах. Когда я слушал на сегодняшних утренних заседаниях мечты об освобождении женщины в капиталистических странах, мне было ясно, что их освобождение уже осуществлено на практике в наших странах...» (Из выступления митрополита МП Ювеналия).

В большинстве случаев западные делегаты оказались недостаточно подготовленными политически, чтобы вести борьбу с про-коммунистической пропагандой на политическом уровне. Церковные деятели на Западе в противовес своим восточно-европейским коллегам мало интересуются чисто политическими проблемами. Здесь, на Западе, Церковь отделена от государства на практике, а не в теории, как это происходит в Советском Союзе. Церковные деятели из социалистических стран не нашли равных себе оппонентов на политическом фронте, но совершенно для себя неожиданно потерпели поражение на духовном и нравственном.

25 ноября в издающейся в Найроби газете «Ассамбли Таргет» было опубликовано «Обращение к делегатам 5-ой Ассамблеи Всемирного Совета Церквей» от жителей Москвы священника Глеба Якунина и мирянина Льва Регельсона. Авторы этого послания обратили внимание делегатов Ассамблеи на вопиющие факты преследования верующих в Советском Союзе и призывали Всемирный Совет Церквей к проявлению «подлинной христианской солидарности» и оказанию помощи страждущим братьям в Восточной Европе.

Обращение Якунина и Регельсона не только подняло на Ассамблее вопрос о преследовании христиан в социалистических странах, но и скомпрометировало руководство Московской Патриархии, способствующее безбожной власти в скрывании фактов религиозных преследований в СССР.

Председатель отдела Внешних церковных сношений Московской Патриархии митрополит Ювеналий, равно как и представители ВСЕХБ немедленно опровергли слова Якунина и Регельсона, поместив в той же «Ассамбли Таргет» соответствующие заявления, в которых отрицается факт преследования верующих в Советском Союзе.

В связи со случившимся, перед делегатами Ассамблеи встал вопрос: кому верить — московскому священнику Якунину или митрополиту Ювеналию? Кого представляют на Ассамблее восточно-европейские иерархи — свои Церкви или антирелигиозную власть? Верующих или безбожников? Кем, наконец, являются они сами — подлинными христианами или слугами антихристианской власти?

Ассамблея кончилась. Все разъехались по домам. Но проблема решена не была. Вопрос оставался открытым и в религиозных кругах Запада началось брожение. Что делать дальше? Как относиться к Московской Патриархии и другим Церквам Восточной Европы? Кого поддерживать в будущем — официальных представителей этих Церквей или посаженных в тюрьмы инакомыслящих. И тут выступили официальные представители советской власти. 31 января 1976 года в газете «Известия» была напечатана статья председателя Совета по делам религии при Совете министров СССР В. А. Куроедова.

В этой статье, вышедшей под названием «Советский закон и свобода совести» Куроедов пытается внушить читателям газеты, что: «Советское законодательство о религиозных культурах с полным основанием называют законодательством о свободе совести. Оно обеспечивает всем гражданам СССР полную свободу определения своего отношения к религии... предусматривает строгую ответственность за какое бы то ни было ущемление гражданских прав верующей части населения, в том числе и духовенства и... является самым гуманным и демократическим в мире...».

Далее в статье Куроедов приводит целый ряд данных, доказывающих, по его мнению, свободу религиозных объединений в Советском Союзе и сводящих все факты преследований за веру к простому нарушению законов. Во второй половине статьи Куроедов нападает на пострадавших за веру баптистов Винса и Моисеева, а затем обрушивается на отца Димитрия Дудко и отца Глеба Якунина, за их, якобы, антиобщественную деятельность.

«Не вызывает удивления, — пишет далее Куроедов, — что антисоветская западная пропаганда создает вокруг таких лиц ореол „мучеников за веру“. Это ее хорошо оплачиваемая „работа“. Но нас не может не удивлять, что генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей Ф. Поттер взял на себя не весьма почтенную миссию — популяризировать клеветническое письмо о положении верующих в СССР, состряпанное тем же самым Якуниным вкупе с неким Львом Регельсоном (человеком без определенных занятий) на недавно состоявшейся генеральной ассамблее этой организации».

Иными словами Пятая Ассамблея Всемирного Совета Церквей возымела свое положительное действие и советским руководителям придется сейчас вести себя более осторожно в области преследования верующих в своей стране.

.....

Обращение к делегатам 5-ой Ассамблеи Всемирного Совета Церквей

Уважаемые господа делегаты!

Откликаясь на призыв лидеров ВСЦ ко всем христианам принять посильное участие в деятельности Ассамблеи, сочли своим долгом и мы, члены Русской Православной Церкви, поделиться с Вами результатами наших размышлений.

Размышления эти, явившиеся плодом неоднократных собеседований с нашими православными собратьями, относятся к попыткам осмыслить самую сущность экуменического движения.

До возникновения этого движения, верующие каждой христианской конфессии были склонны считать свое исповедание единственно правильным или наиболее правильным, и усматривали путь к христианскому единству в том, чтобы все остальные присоединились к уже найденной ими полноте истины, отказавшись от своих заблуждений.

Такое убеждение было результатом не только конфессиональной гордости или недостаточной широты мысли, но и проявлением искреннего христианского максимализма, вызванного горячей любовью ко Христу и опасением хотя бы в малейшей степени нарушить Его заповеди.

В противовес этому максимализму, экуменическое движение проникнуто духом терпимости и сотрудничества и отказом от взаимного прозелитизма.

Естественно, что у многих христиан разных исповеданий возникают сомнения: есть ли эта попытка преодоления конфессиональной «ревности» — результат возрастания в сердцах верующих любви ко Христу, или, наоборот, результат охлаждения этой любви?

Мы надеемся, что многие делегаты Ассамблеи, зная всю глубину и мучительность конфессиональных разномыслий также, как и мы, убеждены в том, что лишь у подножия Голгофского Креста может родиться тот порыв любви, который в силах реально преодолеть конфессиональную ревность и отчужденность и подготовить сердца христиан к подлинному единству.

Поскольку между христианами нет полного единодушия и в вопросе о том, что означает несение Креста в современном мире, мы полагаем, что сомнения в духовном качестве экуменического движения могут быть разрешены только в том случае, если в основу христианского единства будет положено исповедание Креста в его первичном евангельском смысле — как претерпения скорбей и мучений за Имя Христово.

Трагический опыт Русской Православной Церкви за последние шесть десятилетий дает немало примеров возвышенных порывов христианской любви, возникших в ответ на массовое церковное исповедничество и мученичество, и рождающих надежду на возможность глубинного преодоления христианской раздробленности.

Возможно, не все делегаты одинаково хорошо знают историю Русской Церкви этого периода, и поэтому мы сочли уместным кратко напомнить Вам о некоторых таких примерах, поистине достойных благодарной памяти и ревностного подражания.

Еще в феврале 1918 года представители духовенства разных исповеданий, забыв недавние споры и тяжелые обиды, с удивительным мужеством и благородством выступили в защиту Русской Православной Церкви, первой принявшей на себя удар антирелигиозной политики только что родившейся власти.

«Какими бы ни были теоретические решения, положение православной Церкви в настоящую минуту является очень трагичным, и в этом наши глубокие симпатии на ее стороне», — свидетельствовал евангелический пастор Вальтер.

«Нельзя останавливаться на решении теоретических вопросов: слишком трагическая яркая картина развертывается перед нами в церковной жизни, чтобы не привлечь

к себе всю силу нашего внимания...», — подхватывает армяно-григорианский священник Тер-Григорян.

С выражением глубокого сочувствия к страданиям Русской Православной Церкви обратились к проходившему тогда Поместному Собору представители протестантских исповеданий в России.

К голосу христиан присоединились иудеи и мусульмане.

«С чувством особого волнения может говорить еврей о том, чему подвергается в настоящее время православная Церковь. Только сам носивший кандалы, носивший их долго и бесконечно тяжело, может понять переживания того, кому хотят эти кандалы надеть» — говорил петроградский раввин Каценелибоген.

«Мы, мусульмане, так бережно охраняющие заветы своей религии, относимся с промадным уважением к религиозному чувству инаковерующих, и потому с особой прустью мы следим за терниями, выпавшими на долю православной Церкви и ее прихожан», — продолжал свидетельствовать мусульманский имам Давлеканов.

Вскоре присоединила свой полос сочувствия и поддержки и Католическая Церковь в лице кардинала Гаспари, обратившимся с энергичным протестом в адрес гонителей Православной Церкви.

Голоса сочувствия и сострадания вызывали глубокий отклик в сердцах православных.

Отвечая по поручению Собора на послание протестантов, Патриарх Тихон писал:

«Повинуясь велению сердца, выражаем Вам и Вашим братьям по вере искреннюю благодарность за любовь и пожелание успеха трудам Священного Собора Православной Российской Церкви и молим Господа, да не оставит Вас Благий Человеколюбец без небесной награды за сострадательный отклик на скорби чающих Христа утешения. В печалях и бедах постигшего Православную Церковь гонения Мы непрестанно памятуем о Христе Иисусе, убажжающем „плачущих и изгнанных за правду“ (Матф. V, 4, 10) ...».

Когда в 1921 году Россию постиг небывалый голод, Патриарх Тихон обратился в первую очередь к главам православных и инославных церквей, с призывом, во имя христианской любви, поднять народы мира на бескорыстную помощь умирающей от голода России. Вспомним этот вопль о помощи, с которым Россия обратилась к миру через своего Патриарха:

«К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода. Не до слуха вашего, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос Мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его и на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, всылает истерзанная земля наша вопль свой: „пощади и прости“, к Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твой руки свои и мольбу: „прости и помилуй“».

Христиане России никогда не забудут тех самоотверженных усилий, которые приложили католическая, англиканская и другие христианские церкви для организации помощи вымирающим областям России.

Православный верующий народ всегда будет помнить и то могучее свидетельство христианской солидарности, которое было явлено в международном движении протеста против массовых арестов и расстрелов духовенства и верующих в 1922 году. Мы никогда не забудем, что подняли это движение, вдохнули в него энергию и силу именно зарубежные братья-христиане: православные, англикане, католики, члены епископальной Церкви США (пос-

ледние — по инициативе еп. Брента, тогдашнего главы за-рождавшегося экуменического движения).

Хотя около десяти тысяч священников, монахов и монахинь было все же тогда расстреляно, однако через несколько месяцев нарастающее всемирное негодование заставило ослабить волну репрессий и даже освободить из-под ареста Патриарха Тихона, что имело решающее значение для будущих судеб Русской Православной Церкви.

Это действительное проявление христианской любви, сорвавшее попытку уничтожения Русской Церкви одним ударом, больше приблизило грядущее христианское единство, чем многие теоретические конференции, к которым верующий народ в своей массе, как правило, остается глубоко равнодушным.

Великим шагом в деле подлинного экуменизма стало всемирное моление за гонимую Русскую Церковь, организованное в 1930 году православными, католиками и протестантами в Европе. Русские христиане сохраняют в своей благодарной памяти выдающуюся роль Папы Пия XI в организации этого моления, его гневные обличения в адрес гонителей, выраженную им великую скорбь о страданиях русского народа.

Мы хотим напомнить делегатам Ассамблеи и о том мучительно постыдном факте, что всемирное моление 1930 года было встречено неодобрением и протестами со стороны тогдашнего официального возглавления Русской Церкви, отрицавшего наличие гонений и лжесвидетельствовавшего перед всем миром о том, что исповедники и мученики являются всего лишь политическими преступниками.

Уже тогда перед христианской совестью зарубежных братьев встал вопрос: если насилие так велико, что избиваемый вынужден улыбаться и протестовать против помощи — дает ли это основание, чтобы не защищать его?

Напомним также, что эта позиция православных церковных лидеров сопровождалась духом крайней конфессиональной нетерпимости, в разительном противоречии с позицией Патриарха Тихона, при котором был создан специальный отдел Поместного Собора по воссоединению с инославными христианами.

Этот дух нетерпимости сохранился и после того, как столкновение с фашизмом вынудило к восстановлению легальной Церкви в Советском Союзе.

В соответствии с националистической политикой Сталина, возрожденная Московская Патриархия поддерживала «модернизированную» концепцию «Москва — Третий Рим», с активной враждебностью к Римам I-му и II-му (Римская и Константинопольская Церкви), а также к Всемирному Совету Церквей.

После смерти Сталина, параллельно с изменением политики от «холодной войны» к «разрядке напряженности», производилась и переориентация внешней церковной политики.

В 1961 году Русская Православная Церковь вступила во Всемирный Совет Церквей.

Для Русской Церкви этот год был ознаменован возрастающей волной антирелигиозного разгула и повсеместных насильственных закрытий храмов, монастырей и духовных школ. Не менее жестокие преследования обрушились в это время и на протестантские общины.

XXII съезд компартии объявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», — вероятно, именно для приближения этого события в 1959 по 1965 гг. на территории СССР было закрыто свыше 10 тысяч православных храмов.*)

Верующие Русской Церкви не строили особых иллюзий по поводу вступления Московской Патриархии во Всемирный Совет Церквей — этот акт, санкционированный государственными органами в период жесточайшего гонения на религию, очевидно преследовал их собственные цели тактического характера, далекие от задачи укрепления христианских позиций в современном мире.

Несмотря на это, православные верующие все же надеялись, что христианская солидарность и воля к подлинному единству окажутся сильнее влияния антихристиан-

ских сил, надеялись, что ВСЦ окажет энергичную поддержку своему новому члену, — выступит инициатором международного движения в защиту понимого христианства, призовет всех христиан к единодушным молитвам за страждущую Церковь.

Надежда эта подкреплялась и тем обстоятельством, что ВСЦ, кроме богословских собеседований и диалогов, включил в свою программу активное служение людям и обществу.

В широкий круг внимания и интересов ВСЦ входила борьба за мир и ограничение гонки ядерного оружия, за прещенция его испытаний, создание безъядерных зон.

ВСЦ внимательно следил за развитием политических и военных конфликтов (Вьетнам, Ближний Восток, Нигерия, Кипр), взрывоопасных ситуаций (Куба, Сев. Ирландия), занимался вопросами расовой, этнической, национальной дискриминации, проблемами социальной несправедливости, взаимоотношениями богатых и бедных стран, регуляцией численности населения и борьбой с мировым голодом.

Но среди широкого круга затрагиваемых важных проблем так и не заняла должного места тема религиозных гонений — казалось бы, центральная тема христианского экуменизма.

Мир не услышал авторитетного голоса Всемирного Совета Церквей, когда была наполовину уничтожена Русская Православная Церковь; не слышно было этого голоса и тогда, когда в опрощенном Китае было ликвидировано легальное христианство; не раздался возмущенный протест ВСЦ тогда, когда была разгромлена религия в Албании — и когда в Албании расстреляли священника за крещение ребенка, ВСЦ промолчал снова.

ВСЦ, состоящий в основном из представителей протестантских конфессий, не оказал поддержки и баптистам, иеговистам, пятидесятникам в СССР, когда их подвергали преследованиям и притеснениям, в частности, лишали родительских прав за попытку дать детям религиозное воспитание.

И все-таки невозможно поверить, что в конце концов не проявит себя чувство подлинной христианской солидарности.

С большим вниманием мы восприняли тот факт, что ВСЦ в этом году подал голос в защиту осужденного Георгия Винаса, одного из лидеров баптистов-инициативников в СССР.

Мы надеемся, что эта инициатива будет поддержана Ассамблеей, которая со всей серьезностью и ответственностью включит дело помощи христианам, подвергаемым преследованию в любой стране мира, в программу дальнейшей деятельности Всемирного Совета Церквей.

Нам известно, что многие христиане глубоко переживают страдания своих братьев и горят желанием оказать им помощь, но не всегда знают, как это лучше сделать.

Мы берем на себя смелость поделиться с делегатами Ассамблеи рядом предложений.

Прежде всего, нам кажется ошибочным рассматривать гонимых за Христа лишь как объект христианского сострадания. Мы часто забываем о том, что исповедники и мученики — это семья Церкви и слава Ее, что во всей христианской семье именно они ближе всех предстоит Самому Господу Иисусу, именно они наиболее прямо и непосредственно подражают Голгофскому Подвигу нашего Божественного Учителя.

Этот первохристианский дух почитания исповедников — главное, что мы должны сегодня восстановить во всей мировой христианской общине: именно это почитание должно стать главным экуменическим делом, в общем горении сердец расплавляющим конфессиональную отчужденность!

*) Рецидивы этого гонения имели место и в последующие годы. Последний такой акт — закрытие, а затем варварское уничтожение (в августе 1975 года!) православного храма в Житомире — памятника церковной архитектуры. Храм был взорван на глазах потрясенной толпы прихожан.

Прославление исповедников не означает, конечно, отказа от борьбы за облегчение их участи — оба эти дела неразрывно связаны друг с другом.

Что же конкретно можно презпринять?

Вот некоторые предложения.

1. Необходимо, чтобы христиане всего мира знали своих исповедников, в какой бы стране они ни подвергались гонению и к какой бы конфессии они ни принадлежали.

Сведения об исповедниках должны регулярно доходить до каждого верующего, или, по крайней мере, до каждого руководителя христианской общины — пресвитера, пастора или священника. Помимо того, что христиане могут максимально использовать средства массовой информации: радио, телевидение, газеты, журналы, — необходимо издание специального массового многоязычного бюллетеня, в котором обобщались бы сведения об исповедниках Христа во всем мире и во всех конфессиях (там же могли бы помещаться сведения и об исповедниках других религий).

Не следует ли обсудить на Ассамблее вопрос об организации общими усилиями такого издания?*)

2. Регулярно, по крайней мере ежемесячно, руководители всех общин могли бы проводить молитвенные собрания, посвященные исповедникам веры Христа во всем мире.

Чтение информационных материалов, рассказ и проповедь о подвиге исповедников, молитва и медитация, обсуждение возможных действий рядовых верующих — все это имело бы огромное значение для духовного объединения христианства.

Не могли бы мы договориться о том, чтобы токие молитвенные собрания проходили во всех христианских общинах мира в одни и те же дни?

3. Ничто не может заменить личных духовных связей.

Было бы чрезвычайно важно, чтобы верующие устанавливали личные контакты с исповедниками и их семьями путем переписки, материальной помощи семьям заключенных, посещения их при туристических и деловых поездках. Если каждая семья исповедника или он сам будут регулярно получать от своих друзей из разных концов света поздравительные открытки к христианским праздникам, какая это будет для них радость!

4. Современные гонители христианства чрезвычайно заботятся о своем международном авторитете и прилагают все усилия, чтобы предотвратить возможное движение протеста (один из главных приемов — клевета на исповедников).

Если христиане смогут преодолеть в самих себе и в своих согражданах эгоистическое равнодушие к чужим страданиям, то они найдут способы поддерживать на должном уровне кампанию международного протеста против гонения на исповедников веры, где бы оно ни происходило.

Если каждый верующий раз в месяц пошлет письмо протеста в адрес гонителей, если он одновременно будет воздействовать в соответствующем духе на общественное мнение своей страны, то это, безусловно, сильно охладит рвение врагов христианства.

*) Примером такого издания общегуманистической направленности может служить «Хроника защиты прав человека в СССР», выходящая в Нью-Йорке на русском и английском языках. В «Хронике» публикуются сведения и об исповедниках веры.

Большую деятельность в этом направлении развивает также популярный в России религиозно-культурный журнал «Вестник РСХД», выходящий, однако, лишь на русском языке и небольшим тиражом. Большое огорчение и недоумение вызывает тот факт, что ВСЦ недавно принял решение лишить «Вестник» скромной субсидии (средства выделялись обществу РСХД, но фактически шли на журнал). Не может ли ВСЦ пересмотреть свое решение, в порядке помощи делу религиозного возрождения в России?

5. Мы полагаем, что христиане поступят правильно, если обратят усилия и на поддержку исповедников других религий, а также всех борцов за свободу и достоинство человека, за сохранение в человеке образа Божия.

Таковыми действиями христиане будут наилучшим образом свидетельствовать о Христе в современном мире, так, чтобы каждый мог сказать о христианах: поистине, эти люди нашли Бога, ибо они больше, чем все другие, любят человека!

Исповедники гуманизма, самоотверженные борцы за человеческое достоинство, нуждающиеся в нашей христианской поддержке, имеются во многих странах современного мира, но мы, естественно, в первую очередь должны свидетельствовать о таких исповедниках в нашей стране.

Только что приговорен к восьми годам лагерей Владимир Осипов, православный христианин, редактор русского национального журнала «Вече». Мы призываем делегатов Ассамблеи выступить самим и начать широкое международное движение за освобождение Владимира Осипова! Пусть этот шаг послужит новым доказательством жизненности христианского гуманизма!

Одновременно с закрытием журнала «Вече», начато следствие по делу журнала «Евреи в СССР», в котором большое место занимал иудейско-христианский диалог. Редактору журнала Илье Рубину и его сотрудникам угрожает судебная расправа!

Арестованы и ждут суда Андрей Твердохлебов и Сергей Ковалев, за свою деятельность в защиту инакомыслящих, в том числе, верующих людей, томящихся в тюрьмах и лагерях. Они много сделали для того, чтобы мир узнал о мужественной борьбе баптистов-инициативников и литовских католиков. Христиане не должны оставаться неблагодарными!

6. Одним из самых ужасных методов борьбы со свободой человеческой мысли и совести является принудительное заключение инакомыслящих в психиатрические больницы и насильственное применение к ним варварских методов «лечения», разрушающих из разум и психику.

К несчастным узникам психиатрических застенков, больше, чем в кому бы то ни было на нашей планете, применимы слова Роберта Коулза:

«Такие люди знают, что такое покинутость и заброшенность. Иногда, недоумевая, они спрашивают себя, не находятся ли они в аду, именно сейчас. Для них небо — постоянное видение, так же, как вода для жаждущего в пустыне. Должен быть кто-то спасающий их...».

Не должны ли именно христиане возглавить непримиримую борьбу с этим поистине дьявольским покушением на человеческую личность?

Не раскрывается ли для нас именно сегодня подлинный смысл прозному Божественного приговора: «кто скажет брату своему: „безумный“, подлежит геенне огненной» (Мф. 5, 22)?

Мы призываем делегатов Ассамблеи добиваться обязательного международного контроля за деятельностью психиатрических больниц, ибо здесь мы сталкиваемся с угрозой человечеству не менее опасной, чем ядерные бомбы и бактериологическое оружие.

Всем известна тяжелая судьба постигшая генерала П. Г. Пригоренко, защитника крымских татар.

Под влиянием неоднократных и настойчивых требований мировой общественности Пригоренко, наконец, освобожден, но попрежнему подвергается психиатрическому истязанию математик Леонид Плющ, один из организаторов Киевской Инициативной группы защиты прав человека.

Ни один случай заключения инакомыслящих или верующих в психиатрические больницы не должен ускользать от внимания мирового христианства!

7. Некоторые христиане в нашей стране, измученные многолетними притеснениями и издевательствами, систематическими арестами и другими видами насилия, семьями или целыми общинами хотят покинуть СССР и поселиться там, где они смогут спокойно трудиться и исповедывать свою веру.

С такими просьбами неоднократно обращались, например, семьи латвийского баптиста, пресвитера Яниса Шмита, киргизского баптиста Гортфельда, давно и безуспешно добиваются права на выезд общины пятидесятников городов Находки и Черногогорска. Ответом послужило лишь усиление репрессий.

Мы призываем участников Ассамблеи усиленно молиться о них, не лишая их постоянного братского внимания и помочь им добиться осуществления элементарного права человека — покидать свою страну и возвращаться в нее обратно!

8. Многие исповедники страдают сейчас за попытки издания и распространения Священного Писания и духовной литературы. В прошлом году в Литве была разгромлена типография баптистков — инициативников, конфисковано 30 000 Евангелий и арестованы 7 человек.

Наша страна испытывает острую нужду в Священном Писании!

Знают ли делегаты Ассамблеи, что советская таможня конфискует и уничтожает Евангелия, изъятые у иностранных туристов, если они везут более одного экземпляра, что в советских библиотеках рядовому читателю не дают Св. Писания, что Евангелие и духовную литературу запрещено иметь узникам тюрем и лагерей?

По заказу Московской Патриархии и ВСЕХБ Библии печатались в государственных типографиях малым тиражом, но свободно купить их можно только за границей.

Что можно сделать, чтобы обеспечить Священным Писанием христиан в СССР?

Не следует ли добиваться, чтобы деятельность международных библейских обществ распространилась и на нашу страну?

**

Заканчивая наше обращение, мы хотим отметить, что не рассматриваем наши предложения как единственно возможные или единственно правильные. Плюрализм современной жизни заставляет каждую общину прилагать собственные творческие усилия для созидания новых форм христианской жизни, новых форм экуменического сотрудничества.

При этом мы искренне надеемся, что наши предложения не останутся без отклика и побудят делегатов Ассамблеи не только к размышлению, но и к действию.

Пользуемся случаем пожелать успеха деятельности Ассамблеи.

16 октября 1975 года, г. Москва

Священник Глеб Якунин
Лев Регельсон

Официальное Заявление Московской Патриархии в ответ на обращение Якунина и Регельсона*)

Милостивый Государь!

25-го ноября 1975 г. в вашей газете («Ассембли Таргет») была опубликована статья, содержащая выдержки из письма двух православных христиан, проживающих в Москве. В связи с этим мы вынуждены обратиться к вам со следующим заявлением.

Мы отвечаем, что первый из подписавших это письмо, священник Глеб Якунин с некоторого времени находится в состоянии конфликта со своими собственными церков-

Редакция напоминает читателям о существовании обширной литературы посвященной преследованиям Церкви, ее пастырей и верующих в Советском Союзе.

В одном из этих трудов: Nikita Struve. Les chrétiens en U. R. S. S. (Христиане в Советском Союзе) Editions du Seuil, Paris 1963, приводится «Неполный и временный список мучеников Русской Православной Церкви — мучеников за веру».

Список насчитывает 130 имен.

ными властями. Второй из них Лев Регельсон известен своими антиэкуменическими взглядами. В заявлении, направленном им в 1971 году Поместному Собору Русской Православной Церкви, он сурово критиковал отношение к экуменизму Московского Патриархата и экуменическую деятельность московских иерархов в области богословия. В этом заявлении он также утверждал, что экуменизм и все связанное с ним представляет собой опасность для Православия как такового и должно считаться ересью нашего времени.

В виду того, что письмо Якунина и Регельсона было опубликовано на страницах нашей газеты, мы считаем своим долгом заявить, что описанные в нем некоторые важные моменты нашей церковной истории освещены неправильно и с предубеждением. Как известно, многие высокопоставленные иерархи Русской Православной Церкви заняли после революции 1917 года враждебную позицию по отношению к приходу в нашей стране социалистической власти. Этот антагонизм нашел свое выражение в ряде официальных заявлений и деятельности, вызвавшей

не только серьезные осложнения во взаимоотношениях между Церковью и государством, но также и во внутренней жизни самой Церкви.

В 1923 году, после того как Его Святейшество Патриарх ТИХОН заявил о своей лояльности по отношению к советскому государству, он получил возможность нормализовать деятельность Московского Патриархата. Это имело очень важные последствия для дальнейшего развития церковной жизни в нашей стране. Усилия Патриарха Тихона легализовать нормальную церковную жизнь, на основе лояльности Церкви по отношению к существующим государственным законам, были продолжены Его Святейшеством Патриархом Сергием. Тем же самым принципом руководствовался в своей деятельности Его Святейшество Патриарх Алексий. Благодаря такому подходу церковного руководства и большинства верующих, Русская Православная Церковь, в рамках существующего в стране законодательства, получила и имеет до сегодняшнего дня возможность — вести работу в приходах, богословских семинариях, монастырях и так далее.

Мы не скрываем факта, что в Советском Союзе возникали и продолжают возникать различного рода осложнения в церковной жизни. Это происходит в результате нарушения законов, относящихся к религиозным объединениям. В указанных нарушениях виновны, с одной стороны, представители местной государственной власти, с другой, сами члены церковных приходов.

Тем не менее мы должны свидетельствовать о весьма положительной деятельности Совета по делам религии при Совете Министров СССР, который занимается разрешением подобного рода недоразумений. Нередко слухи о подобном рода нарушениях законов доводятся до сведения западных христиан в несколько преувеличенной, а иногда даже и искаженной форме, что приводит к неправильной реакции со стороны этих христиан и тем самым осложняет наши внутренние проблемы.

Относительно вопроса воспитания подрастающего поколения верующих, многие посетившие нашу страну и по-

*) Прим. ред.: Текст официального заявления передан дословно и без изменений. Коментировать этот текст редакция сочла излишним, считая, что наши читатели сами разберутся, что к чему.

бывавшие в наших храмах, видели и увидят в будущем бесчисленные примеры такого воспитания в церквях. Такое воспитание проводится посредством тех же самых традиционных методов, которыми пользовалась Русская Православная Церковь с испокон веков, конечно, если они не входят в конфликт с законом об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Особо значительную роль в процессе религиозного воспитания играет семья, где закладывается фундамент этого воспитания.

Каждая страна имеет свои законы, которыми регулируется жизнь. Нарушение этих законов приводит к определенным последствиям. Будучи лояльными гражданами своей страны, мы выступаем против действия тех, кто нарушает эти законы, будь это в политической области или любой другой.

В то же самое время мы не можем не отметить того факта, что наше общество стало на путь все возрастающего развития демократических принципов. Церковь нашла свое место в этом процессе и способствует этому в

той степени, в какой это для нее возможно. И по этой причине мы смотрим в будущее с верой и надеждой на Господа.

Мы обращаемся с этим письмом к вам для того, чтобы содействовать читателям вашей газеты в получении реалистического образа той позиции, которую занимает значительное большинство членов Русской Православной Церкви и которую мы представляем на этой Ассамблее по отношению к проблеме взаимоотношения между Церковью и государством в нашем социалистическом обществе.

Мы просим Вас опубликовать это письмо в Вашей газете.

От имени делегации Русской Православной Церкви на Пятой Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Найроби.

Митрополит ЮВЕНАЛИЙ

Председатель отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Заявление

Его Святейшеству, Святейшему ПИМЕНУ,
Патриарху Московскому и всея Руси

Священника Глеба Якунина
Льва Регельсона

Ваше Святейшество!

В связи с тем, что к августу месяцу сего года соответствующий подкомитет ВСЦ по решению V Ассамблеи, должен изучить и представить на рассмотрение ВСЦ собранные материалы, факты и случаи нарушения прав верующих в странах, подписавших Хельсинское соглашение (если таковые обнаружатся), Совет по делам религии спустил директиву уполномоченным на местах организовать по епархиям кампанию протеста среди рядового духовенства и верующих прихожан с целью «нейтрализовать» наше обращение в Найроби и сорвать возможную попытку ВСЦ принять резолюцию протеста против ущемления прав верующих в СССР.

Такой первой «весенней ласточкой» по Московской епархии явилось письмо в ВСЦ прихожан св. Никольского храма города Пушкино во главе с настоятелем храма протоиереем Димитрием Саганом.

18-го февраля в день праздника иконы Божией Матери «Взыскание погибших» прот. Димитрий Саган обратился к верующим храма с весьма необычной по содержанию проповедью, которую начал следующими словами: — «священник Глеб Якунин и примкнувший к нему еврей Регельсон обратились с письмом на Ассамблею ВСЦ в Найроби...» К сожалению, эти слова были единственными объективно верными из всего сказанного в проповеди. Далее о. Димитрий полностью искажал содержание и смысл нашего обращения.

Так, например, о. настоятель утверждал, что мы, буд-то, написали, что «верующих не пускают в храм молиться». И стараясь добиться чаемой цели (убедить побольше прихожан подписать письмо протеста), о. Димитрий, употребляя классически-риторический прием, воззвал к прихожанам: «Ну, разве это правда? Вот вам, например, разве не дают молиться в храме, разве вас в храм не пускают?!».

И в ответ (присутствовали в будничные день лишь пожилые женщины, которые никогда не слышали не только о нашем обращении в Найроби, но и о существовании самого ВСЦ) раздалось дружное: «Да, верно, правда, батюшка, нам не мешают молиться и жить в храме!». (Не вспомнили эти пожилые женщины в этот момент, что бывает все же и так, что действительно не пускают молиться в храм, правда лишь на Пасху, и не их, престарелых и пожилых, а молодежь).

Далее, описывая политическую обстановку в современном мире, о. Димитрий убеждал верующих, что обраще-

ние Якунина и Регельсона мешает «борьбе за мир», разрядке напряженности и противоречит духу Хельсингского соглашения, а в конце проповеди о. Димитрий выдвинул самый неоспоримый аргумент: «а если найдется такой, кто не захочет подписывать письма, то это будет означать, что он вместе с Якунином и Регельсоном против мира, против разрядки напряженности, против Хельсингского соглашения».

Успех проповеди о. Димитрия был бы полным и возможно о. Димитрий затмил бы даже своего знаменитого тезку — проповедника, если бы не досадная случайность. Пока бросились за заготовленным текстом, наступила роковая пауза, и одна старушка зловецке прошептала на всю церковь: «Православные! не подписывайтесь! Это нас с католиками хотят соединять!». И к огорчению о. Димитрия большинство бросилось из храма. Нашлись и другие неразумные элементы: одна женщина, не слышав проповеди, подписала не ввиду понимания политической значимости проводимого мероприятия, а по ошибке, подумав, будто за то подписывает, чтобы батюшкам к 23-му февраля (дню Красной армии) староста подарки купила за счет Церкви. А теперь, неразумная, как узнала в чем дело переживает, кается, считает, что большой грех сделала, подписав это письмо. (Остальные так же подписали текст, не читая).

А вот у о. настоятеля досада скоро прошла: хоть и немного удалось собрать подписей для такого большого прихода, за то задание выполнено все же, а дело новое, деликатное, неизвестно еще, как другие справятся, и для о. Димитрия к тому же почетно — первым во всей Московской епархии, а может быть и по всей стране доверие оправдал.

Есть даже у о. Димитрия тайная мечта, теперь, возможно, и сбудется — восстановят на работе в иностранном отделе, — хоть и были срывы в дипломатической работе, и слухи тогда пошли неприятные, будто сотрудник в Органах, но время прошло, возможно забылось и теперь восстановят — заслужил.

Ваше Святейшество!

Простите, что Вам, носителю высокого патриаршего сана, приходится излагать события фельетонного характера.

Методологически вышеописанная кампания слишком знакомое явление — особенно в 30-е годы, «гневное возмущение трудящихся против происков империалистов и их приспешников», требование их «заслуженного наказания» и т. д., затем 40-е годы кампания против Зоценко, Ахматовой и др., позже Пастернака, Синявского, Даниэля, и, наконец, недавно Солженицына и Сахарова. (Мы, конечно, польщены столь высокой, хотя лишь косвенной оценкой нашего обращения в Найроби). Но перенесение этого приема на почву церковную — явление новое. Поэтому волна «церковно-народного» пнева разворачивается пока осто-

рожно (уже наличествует один дефект — большая пауза после Найроби — 2½ месяца и если начать сразу широким охватом, будет выглядеть слишком неестественно), и все же складывается впечатление, что среди уполномоченных уже разгорается «социалистическое соревнование» по сбору «добротного урожая».

Ваше Святейшество!

В тех условиях, в которых находится сейчас Русская Православная Церковь, не составляет большого труда провести любую кампанию по сбору подписей. У организаторов этой кампании расчет прост:

Найдутся в каждой епархии священники, которых не посмеют отказать, найдутся материально зависимые церковные труженики (певчие, уборщицы, продавцы свечей и просфор, Церковный Совет), которые перед угрозой изгнания не устоят, найдутся и такие члены «двадцатки» и рядовые верующие, которые побоятся, что в противном случае закроют их храм, и наконец, давно известно, что найдутся и такие, которых с радостью да еще и с гордостью (пример: прот. Димитрий Саган) подпишут все, что им предложит «начальство».

Ваше Святейшество!

Мы сожалеем, что эта кампания у многих подписавших вызовет и душевную драму и угрызение совести, и отнимет внутренний мир: и тем не менее в ней имеется, с нашей точки зрения, серьезный положительный смысл.

Как известно, давно сложилось в Православии, и особенно культивируется ныне в Московской Патриархии «благочестивая» традиция смотреть на церковную жизнь как на жизнь исключительно литургическую, богослужбную, молитвенную. Верующие прихожане в своей массе, а порой и приходское духовенство, относятся глубоко равнодушно к жизни церковно-общественной, не ощущают церковного социума, не понимают личной ответственности каждого христианина за жизнь прихода, всей Церкви.

Теперь же, хотя и порочным способом, новое внешнее мероприятие протеста в ВСЦ помогает ломать эту традицию. Мы также уверены, что эта кампания резко увеличит интерес к нашему Обращению в Найбори и к проблемам, поднятым в Обращении, и что было самым трудным исполнимым, — информация о нашем письме (хотя сначала и искаженная, но потом и правдивая) — дойдет таким образом до рядового духовенства и до широких слоев простых верующих людей.)*

Ваше Святейшество!

Пока, повидимому, самим «режиссерам» не ясно, — какова будет «ширина» и «высота» начавшегося мероприятия (возможно примкнут позже и правящие архиереи, иначе сложится впечатление будто они солидарны с нами, — возможно кампания завершится выявлением скрытых единомышленников, путем, например, обязательного для всех клириков подписания «анти-найробского символа веры»).

Но какого бы размаха проводимая кампания не достигла, мы уверены что организаторы просчитались, — они добьются лишь прямо-противоположного результата, — чем больше писем протеста появится и чем больше подписей будет стоять под ними, тем более наглядной, яркой и убедительной иллюстрацией к нашему Обращению в Найроби будет являться проводимая кампания, тем большим показателем несвободы Русской Церкви она явится.

4 марта 1976 года.

Священник Глеб Якунин

Лев Регельсон

*) Мы сочли целесообразным, со своей стороны, попросить Редакцию русского отдела «Би-Би-Си» (куда направил копию письма-протеста в ВСЦ Пушкинских верующих протоиерей Димитрий Саган) зачитать это письмо в одной из религиозных передач на русском языке.

Письмо

Доктору Филиппу Поттеру,
Генеральному секретарю
Всемирного Совета Церквей.

*

Уважаемый господин Генеральный Секретарь! С чувством глубокого возмущения услышав я в передаче Британской Радиовещательной Корпорации 21 марта, адресованное Вам, так называемое, письмо прихожан Никольского храма в селе Пушкино Московской епархии. В документе выражается протест против известного Обращения священника о. Глеба Якунина и мирянина Льва Регельсона к делегатам Пятой Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Найроби.

Надо поблагодарить Радиостанцию за то, что она передала полный текст документа. Если будет возможность, я постараюсь выяснить историю этой попытки ввести Вас в заблуждение. Пока же текстуальный анализ показывает, что здесь имеет место сочетание злого умысла составителя и невежества подписавших. Для меня ясно, что это действуют темные силы, которые поставили себе целью опорочить о. Глеба Якунина и Льва Регельсона, дискредитировать их Обращение к делегатам Пятой Ассамблеи. Это побуждает меня преодолеть страх репрессий и выступить перед Вами с настоящим письмом, которое прошу считать открытым.

Я имею честь лично знать этих достойных лиц. У меня есть некоторые расхождения с ними во взглядах, но относительно их Обращения к делегатам Пятой Ассамблеи я должен сказать, что это — документ исторического значения. Я убежден, что имена двух свидетелей правды в месте со мною благодарно, молитвенно вспоминают все сознательные священники и миряне Русской Церкви.

Ассамблея прошла, но у меня такое впечатление, что она не сделала должных выводов из Обращения двух свидетелей. Документ вызывает, нельзя сдавать его в архив. Позвольте обратиться Ваше особое внимание на дело, имеющее первостепенное значение для мирового Христианства.

Уважаемые авторы призывали Ассамблею выйти из конфессиональной ограниченности, выступить в защиту всех узников совести — всех, кто страдает (я цитирую) «за свободу и достоинство человека, за сохранение в человеке образа Божия» (конец цитаты). Как-раз в дни Пятой Ассамблеи была произнесена Нобелевская лекция академика Андрея Сахарова, — и вот что было сказано в ней об узниках совести (я цитирую):

... «Многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать детей в религиозном духе; за чтение и распространение (часто — просто ознакомление одного-двух человек) нежелательной властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например, религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, за распространение информации о судах, о преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого многолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полуметельных камерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое

достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически *слома их души*. Особенности мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за их разоблачение — это лучшее доказательство реальности обвинений в их адрес. Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о *муках невинных*? Самое же страшное — *ад спецпсихобольниц*, Днепрпетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента...».

Уважаемый господин Генеральный Секретарь! Я должен со всей откровенностью высказать Вам мое смущение, недоумение по поводу отношения Всемирного Совета Церквей к узникам совести. *Невыносима мысль*, что в то самое время, когда звучали эти слова Нобелевской лекции о страданиях узников совести, — в это самое время представители христианских организаций на Ассамблее в Найроби, заседавшая в комфорте, вырабатывали текст жестокой резолюции, которая должна была *умолчать*, непременно *умолчать* о страданиях узников совести, о самом существовании их в нашей стране. Такая резолюция и была принята — на этом настояла наша церковная делегация.

*

Здесь я должен сделать небольшое отступление. Я должен сказать, что не принадлежу к тем, кто однозначно осуждает нашу церковную иерархию. Надо понимать ее положение. Ведь первейшее дело всякой церковной иерархии — церковное Богослужение. А все практические возможности церковного Богослужения — от церковных зданий до легальной возможности самой иерархии — находятся у нас в руках идеократической Системы. И она, Система, предоставляет (скрепя сердце) эти возможности только на совершенно непреклонном условии. Это условие — не просто «лояльность» или «аполитичность»: нет, это условие — всецелая преданность Системе. Кто не хочет, не может — пусть уходит, всегда найдутся другие на его место. Всегда найдутся церковные администраторы, которые примут условие и, что важно, получают поддержку в церковном народе. Народ, женский народ наш церковный ничего не знает об узниках совести — по телевидению их не показывают. Народу нужно одно — чтобы в ближайшем уцелевшем храме совершалось своим порядком *церковное Богослужение*. Церковное Богослужение имеет для нас самостоятельную высочайшую ценность.

В таком положении находятся администраторы всех легальных религиозных объединений в нашей Системе. Но именно наши церковные иерархи в наибольшей степени обречены на позор заведомо недостойных публичных выступлений. Всякий раз мы с мучением переживаем это уродство, когда высокие духовные лица, возглавители церковного Богослужения, теми же устами говорят неправду... Так это и было на Ассамблее в Найроби.

*

С этой стороны все понятно. Но как получилось, что независимый христианский форум согласился на соучастие

в нашей неправде — умолчал, отказал в сочувствии узникам совести? Прошу заметить, что я говорю не о политике и не о том, что называется на Западе социальной работой Церквей. Я говорю не о политике, а о религии — об основном, все решающем принципе святого Христианства: *личное милосердие, просто милосердие*. Достойные авторы в Обращении к делегатам Ассамблеи писали, что по этому признаку так будут судить о нас, христианах я цитирую: «истинно эти люди нашли Бога, ибо они больше, чем все другие, любят человека» (конец цитаты). Увы, на деле получается наоборот. Не-религиозные сообщества и лица проявляют сострадание к узникам совести, а христиане во Всемирном Совете Церквей только рассуждают о любви на экуменических встречах, на деле же оказываются безжалостны. Как справедливо писали авторы Обращения, Всемирный Совет Церквей занимается самыми разнообразными проблемами — но только не делом христианской солидарности пред лицом гонений и, добавлю я, не защитой узников совести. «*В темнице был, и вы не посетили Меня*». Сегодня о страданиях Христа в темницах говорит академик Сахаров, а Всемирный Совет Церквей молчит, упорно молчит. Только один пример, из последних по времени. Авторы Обращения призывали Ассамблею возвысить голос в защиту *узников милосердия* — Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева, которые страдают за свою правовую деятельность в защиту верующих. Я цитирую: «Христиане должны не оставаться неблагодарными» (конец цитаты). Но как-раз в дни Ассамблеи проходил процесс Сергея Ковалева, и он был осужден на 10 (десять) лет заключения и ссылки. Всемирный Совет Церквей и тут промолчал, христиане остались неблагодарны.

Уважаемый господин Генеральный Секретарь! Пятая Ассамблея собиралась под девизом: «*Иисус Христос освобождает*»... Как прустно звучит это сегодня, когда мы узнали, что Ассамблея отказалась выступить в защиту узников, фактически отреклась от узников — и тем явила собственную свою несвободу. Покорнейше прошу извинить меня, я далек от намерения Вас обидеть, но я должен сказать Вам правду: вот так это выглядит со стороны. *Страдания узников совести, узников милосердия имеют величайшее мистическое значение, это есть приобщение к Страстям Христовым, это Святыня, перед которой должны преклониться Силы Небесныя*. А Всемирный Совет Церквей побоялся сказать хотя бы слово сочувствия. Мне представляется, что это ошибка — историческая ошибка, глубокая дискредитация Экуменического Движения в данной форме.

Я подписываю это письмо один, но я знаю, что так думают многие. Поэтому осмеливаюсь просить Вас об ответе. Прошу Вас иметь в виду, что у нас нет достаточно полной информации об Ассамблее в Найроби. Да поможет Вам Господь в Вашем высоком служении.

24 марта 1976 года.

Священник Сергей Желудков

СССР, 180014,

Псков-14, Псковская улица, 6.

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

Жизнь и убийство

С каждым годом все большему числу людей становится все яснее, что в современном мире случился чрезвычайно тревожный разрыв между развитием технологии с одной стороны, и состоянием общественной мысли, морали, этики, с другой; говоря проще: между продвижением человечества в области материальной — и топтанием на месте в области духовной*. Вот один из наиболее ярких, я бы сказал, поразительных примеров: Карл Маркс ездил на извозчике или на дилижансе, писал свои труды при керосиновой лампе. С тех пор эти и подобные мате-

риальные вещи стали музейными... А путанные, полные разве что любопытных для исследователя, но произвольных гипотез и домыслов, в самом лучшем случае просто дискуссионные соображения Маркса — в музей не сданы. Наоборот, на значительной части земного шара они вообще считаются самым передовым, высшим достижением мысли, словно бы за сто лет после Маркса человеческая мысль не развивалась ни на шаг, а так и осталась стоять на месте.

Вернемся назад на сто лет, даже более, потому что «Коммунистический манифест», например, вышел в 1848 году. Сегодня некоторые вещи и идеи даже 1948 года кажутся старыми, наивными. А то же ведь был 1848 год! «Призрак коммунизма бродит по Европе». Тогда это прозвучало так поэтично, звонко, вдохновенно-обнадеживающе. Сегодня, через столетие с четвертью неугомонный призрак кое-где даже воплотился в нечто уродливое, но в основном так и бродит. Зловеще, странно, ибо, созданному в век дилижансов, ему, казалось бы, давно бы пора уйти туда же, куда ушли дилижансы. Уж и паровозы ушли. В Англии, где этот живучий призрак родился, и паровозов, например, давно нет. Последние работяги-паровозы, собранные в одном из парков, еще можно увидеть, замершие, ржавяющие, и несколько сентиментально-благодарные англичане повесили на каждом табличку: «Ржавейте спокойно».

Мы не успеваем удивляться все новым научно-техническим достижениям, перестаем им удивляться. Мы живем в осуществленном и, даже куда более того, фантастическом мире Жюль Верна, который, я помню, еще в дни моего детства казался вполне научно-фантастическим, заглядывающим в очень далекое будущее. Если бы любому просвещенному человеку середины прошлого, девятнадцатого, века было описано достигнутое сейчас: путешествия на Луну, телевизоры в квартирах, путешествия по воздуху со сверхзвуковой скоростью, причем, путешествия самолетом такие же обычные, бытовые, как когда-то тем же дилижансом или тройкой лошадей, или — телефоны, радио, лазеры, компьютеры и т. д. — опиши кто-нибудь все это любому просвещенному человеку XIX века — он, пожалуй, не поверил бы, что ему описывают реальную жизнь всего через сто лет. Да всего лет тридцать назад казалось, что межпланетные полеты — дело XXI века, по самой меньшей мере.

С другой стороны, если бы любому просвещенному человеку XIX века, особенно в России, кто-то бы рассказал, что и через сто лет, во второй половине XX века, в России будет существовать фактически крепостное право, что люди будут строгайше приписаны к указанным местам проживания, в частности, например, беспаспортные крестьяне не будут иметь права без исключительного позволения покидать место жительства, что поездка за границу будет в сотни раз более трудным делом во времена сверхзвуковых самолетов, чем во времена дилижансов и троек, что полиция будет во много раз свирепее и будет держать под контролем и страхом каждый шаг обывателя, — я уверен, просвещенный человек XIX века только рассмеялся бы в ответ на это. В то, что мы достигнем Луны, он не поверил бы. Но в приход справедливости он верил. Не то что верил, он знал, что через сто лет жизнь в России будет неизмеримо прекраснее, разумнее, и уж, безусловно, свободнее, чем в его, как ему казалось, ужасный в этом отношении XIX век.

Как передовые люди прошлого века с замирающим сердцем представляли себе будущую справедливость! Как завидовали потомкам, внукам и правнукам! Ведь среди мыслящих людей России сто лет назад пошли все шире распространяться идеи свободы. Слово «свобода» произносилось, писалось тогда куда чаще, чем теперь. Многие признавали за то, что всеобщая свобода действительно придет. В 1861 году Александр II отменил крепостное право, получил название Царя-Освободителя. Наступали времена широкой гласности в стране; именно тогда стал действовать в полную силу российский суд присяжных. Блестящая плеяда русских адвокатов свободно заговорила с судебных трибун.

Но, конечно, просвещенным людям России тех времен казалось, что процесс освобождения идет слишком медленно. Он, вероятно, не мог идти курьерским темпом: если до самого 1861 года в стране был крепостной, феодальный строй, то с отменой его должны были произойти колоссальные экономические, политические сдвиги, которые физически невозможно провести в курьерском темпе, да еще в такой огромной стране.

Тем не менее, революционная интеллигенция в России стремилась торопить события. Народовольцам, например, казалось, что нужно немедленно убивать царей, что это лучше всего подтолкнет события. Я прошу вас обратить внимание на это слово: уб и в а т ь. Ради прогресса. 1 марта 1881 года бомба, брошенная народовольцем Гриневицким, убила царя Александра II. Да, Царя-Освободителя. Ирония судьбы, за которой чудится какой-то сюрреалистический оскал зубов, — пока еще во мгле, — будущих кровавых демонов, по определению Достоевского — бесов. Увидел Достоевский, он увидел очень точно, но к нему прислушивались недостаточно. А это начиналась трагедия.

Нет, в личной честности и прекрасных намерениях Гриневицкого, Желябова, Софьи Перовской, Кибальчича и других, организовавших убийство царя, сомневаться не приходилось. Да, они хотели свободы, демократии, равноправия для всех — и скорее, как можно скорее, ведь жизнь человеческая коротка, они даже в жертву принесли свои жизни. Что уж больше! Но лучше видел мудрый Достоевский, предупреждавший, что высокой цели нельзя достичь низменными средствами; что нельзя построить счастье человечества даже на одной слезе невинного ребенка. Если бы народовольцев, убивших царя, тогда не казнили, да если бы судьба даровала им еще по сто лет жизни и они бы взглянули на страну в XX веке, хотя бы почитали один «Архипелаг ГУЛаг» — не пришли ли бы они в ужас? Развитие получили только убийство, жестокость, насилие. Благородные же цели оказались ни в чем не достигнутыми. Ведь народовольцы, а за ними все поколения революционеров до ленинцев включительно провозглашали, что борются не за достижение Луны, телевизоры, атомные полигоны, баллистические ракеты — носители ядерных бомб, даже, в конце концов, не за сооружение новых гидростанций и городов, — а прежде всего за свободную жизнь каждого человека, за справедливость, за равенство. И за право жить, где хочется, и за право говорить, что хочется, и за то, чтобы государство служило людям, а не люди государству.

Если бы Гриневицкий, Желябов или Софья Перовская знали, что через сто лет в России будет небывалая, тотальная сеть тайной полиции, свирепейшая предварительная цензура печати, что каждый горожанин будет иметь паспорт с отметкой, к какой он категории относится и какова его особая, внутренняя национальность помимо гражданства, что для выезда из страны нужно будет проходить массу всевозможных комиссий и секретные полицейские проверки, что за слово правды будут давать семь лет лагерей, за попытку убежать из страны — десять, что не будет никакого суда присяжных, а вершить суд и расправу будет послушный приказу сверху судья-марионетка с двумя, для профформы сидящими безгласными заседателями, да нередко еще при закрытых дверях — и т. д., — знай народовольцы и последующие революционеры, что так будет, они бы, может, сами прокляли себя. Может быть, хотя бы чуть внимательнее прислушались бы к Достоевскому. Да, о слезе ребенка.

Вот в 1918 году в Екатеринбургском подвале убежденный большевик Белобородов с подручными расстрелял в упор семью — взрослых и детей, уж абсолютно невинных детей — царя Николая II и его семью. Ради счастья всего человечества, конечно. Сегодня посмотрим, кто выгадал от этого, чья жизнь стала лучше в результате этого дикого расстрела, и где счастье всего человечества. Самого Белобородова, кстати, тоже потом расстреляли. В этом — закономерность.

И стреляли, стреляли, резали, как в цепной реакции. Возникли жуткие античеловеки, иначе не назовешь, такие, как Дзержинский, Менжинский, Ежов, Ягода, Берия и уж совсем непревзойденный Сталин. Снедаемый завистью, тоже во имя своеобразного всеобщего счастья, вознесен на другом полюсе убийств и жестокости Гитлер. Оргия убийств захлестнула землю. Земля устала от убийств.

И сегодня мы живем в эпоху, когда джин, выпущен-

ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

О книге „Наедине с собой“ Г. Б. Башкировой

Недавно, в 1975 г., в Москве, в издательстве «Молодая Гвардия» вышла небольшая, в 208 стр., книга Галины Борисовны Башкировой «Наедине с собой».

Книга, видимо, пользуется успехом, так как за короткое время она печатается уже третьим изданием. Последнее — 100 000 экземпляров, и можно думать, что предыдущие тиражи были неменьшими.

Книга интересная: в понятной доступной форме она сообщает о новых и совсем новейших наблюдениях за психологическими процессами в человеческой душе. Мало кто представляет себе, что эти исследования внутреннего человека зашли так далеко.

Мы должны признаться, что эти сообщения Г. Башкировой вызывают в нас тревогу. Пока дело идет об исследовании психических процессов в человеке, это хорошо. Можно и даже полезно узнавать о том, что делается во внутреннем сокровенном мире человеческой души. Но ведь на исследовании дело не остановится. От него непременно перейдут к воздействию, к контролю, к обработке внутренних движений человека. На это есть уже намеки и в рассматриваемой книге.

От этого становится страшно. Ведь это повлечет за собой еще небывалое, полное порабощение человеческой личности.

Для героев духа это, может быть, и не страшно. Они не позволят воздействовать на себя. Ведь известно, что если человек не даст своего согласия на гипнотическое воздействие, сопротивляется ему, то никакой гипнотизер не может покорить его волю. Но мы легко можем предвидеть, к скольким трагическим столкновениям все это поведет.

А рядовая масса охотно согласится с обработкой ее психики властью имущими. Все инструкции власти, даже самые бессмысленные, станут самоочевидными. Исчезнут все проблемы, все трагедии, не будет внутренних столкновений, прекратятся упреки совести.

Это состояние человечества пророчески предописал Н. Гумилев в стихотворении «Потомки Каина»:

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два дровца
Соединит на миг крестообразно?*)

Еще ярче и отчетливее эту проблему обрисовал А. И. Солженицын в своей пьесе «Свеча на ветру», где героиня Альда, сохранившая неиспорченной живую душу, оказывается непригодной к воздействиям кибернетической невростабилизации. Герой пьесы Алекс говорит: «Я

*) Н. Гумилев, Сборник сочинений, т. I, Вашингтон 1962, стр. 94—95.

ный из бутылки, не то что не загнан в нее обратно, но грозит уничтожить все человечество. Хватит ли трезвости у нас переосмыслить и отвергнуть сам принцип, который лежит в основе деятельности ярых пропагандистов, от Маркса начиная и до арабских террористов включительно: убить ради?.. Ради чего? Подставляйте сюда любое красивое слово. Любую прекрасную, вдохновенную, благородную, святую цель. Это уже не важно, она не будет осуществлена. Важно лишь то, что очередное «убить» родит новые и новые когорты демонов.

Я за Достоевского. Ни слезу ребенка пролить, ни тем более убивать ради любого счастья человечества нельзя. Еще лаконичнее, бессмертно и просто это — в Библии: не убий.

понял так: биокибернетика это вмешательство в самое совершенное, что есть на земле — в человеке. Зачем?».

Мы от перспектив биокибернетики в ужасе шепчем молитву: «Избави нас Господи от такового бесчеловечства».

И мы верим, что Господь не допустит этого предельного надругательства над человеческой природой.

Для нас, христиан, человеческая воля священна.

Сам Бог, сотворивший человека, оставляет неприкосновенной его внутреннюю свободную волю. Никогда Он не принуждает человека хотеть того или другого. Вот почему Церковь всегда была против гипнотизма.

Но повторю: сведения, которые Г. Башкирова дает о психических исследованиях, интересны и вызывают почтение к ее эрудиции.

Совершенно противоположное впечатление производят те, сравнительно немногочисленные строки, где она касается русской истории. Здесь она проявляет вопиющее невежество и небрежность, тем более удивительные, что в биографической справке о ней, помещенной на обложке книги, говорится, что она по образованию историк.

Вот как излагается история хорошо известной всем москвичам церкви св. мученика Трифона у Марьиной рощи, в старинной летописной записи:

«Однажды, на охоте у царя Иоанна Грозного улетел любимый кречет, и он приказал сокольнику, по имени Трифон, во что бы то ни стало в три дня разыскать сокола, грозя иначе смертной казнью. Весь лес объездил сокольничий безуспешно. Настал третий день, его именины, день св. мученика Трифона (1 февр.). Сокольничий стал молиться своему святому и, измученный, заснул крепким сном под деревом в Марьиной роще. И видит он дивный сон: пред ним предстал св. Трифон на белом коне, держа в руках царского сокола. «Возьми, сказал он, свою пропавшую птицу, поезжай с Богом к царю и не печалься». Проснулся сокольничий и видит: на руке его сидит царский кречет, которого он и отвез к Грозному царю, рассказав ему и о своем видении и о том, что он дал обет на месте нахождения сокола поставить храм в честь св. мученика Трифона. Царь пожаловал сокольнику землю в Марьиной роще и внес первый взнос на построение храма, в котором находится образ св. Трифона на коне с соколом в руке».

А вот как излагает эту историю Галина Башкирова: «Был Трифон сокольничий Алексея Михайловича. Улетел у него любимый сокол царя. Трифона посадили в застенки, пытали. Сокол от этих пыток обратно, естественно, не прилетел. Накануне казни приснился Трифону вещий сон, где найти сокола. Он указал место, сокола нашли, сокольничего помиловали. От всех своих переживаний Трифон ушел в монастырь, где принял сначала малый постриг, потом большой, потом дал самый трудный обет — обет молчания. Долгое время считали Трифона народным святым, канонизировали его только в XIX веке. Вот уже почти триста лет Трифон — покровитель всех, у кого неприятности по службе» (стр. 62—63).

Каким презрением можно было бы одарить какого-нибудь советолога, который перепутал бы при изложении того или иного эпизода из советской истории Владимира Ильича с Леонидом Ильичем. А путать Иоанна Грозного с Алексеем Михайловичем Г. Башкирова считает вполне допустимым. Но если она (историк по образованию) хоть немного знакома с русской историей, то должна понимать, что если жестокая угроза казни за сокола естественна для Грозного Иоанна, то подвергать пытке и смерти за сокола своего сокольничего для кроткого «Тишайшего» царя Алексея Михайловича — непредставимо, и обвинение его в этом является наглой клеветой.

Спутать Августа Октавиана с Августом Саксонским невозможно. А спутать св. мученика Трифона, жившего в III веке при имп. Декии, с Трифоном, сокольничим XVI века, — можно.

Рассказать о том, что собор Парижской Богоматери это монастырь, было бы стыдно, а назвать монастырем известную всей Москве церковь св. Трифона в Марьиной роще, видимо, для Г. Башкировой нисколько не совестно.

Еще более вопиющим является изложение в рассматриваемой книге повествования об известной осаде Соловецкого монастыря.

Вот как это изложено в классической «Истории России» С. Соловьева:

«Соловецкое возмущение не казалось опасным, и силы туда были отправлены ничтожные, воеводы плохи, и потому Соловецкий монастырь держался против царского войска семь лет (1669—1675)... В январе 1669 г. царский воевода Игнатий Волохов послал в монастырь стрельца с увещанием образумиться. Монастырь ответил отказом. В 1672 г. 2 авг. отправлен был под монастырь Клементий Иевлев с 725 стрельцами. Иевлев пожег около монастыря хоромные строения, амбары и лодки и ушел от монастыря в Сумской острог. В мае 1675 г. явился под монастырь воевода Мещеринов с 185 стрельцами. В августе пришло к нему еще 800 стрельцов. На этот раз воевода не пошел, как обычно, зимовать в Сумской острог, но остался под монастырем. Попытка взять его приступом 23 декабря не удалась, но перебежчик, монах Феоктист, указал Мещеринову отверстие в стене, лишь заложённое камнями. 22 янв. в сильную бурю Феоктист провел стрельцов к отверстию, камни были легко выломаны, и на рассвете стрельцы уже были в монастыре...» (т. 11, стр. 326—330).

А вот как излагает эту историю Г. Башкирова:

«Россия, вторая половина XVII века, время царя Алексея Михайловича. Соловецкий монастырь отказался менять старые церковные книги. На приведение монастыря в порядок был послан отряд стрельцов в сто человек. Но у осажденных большие запасы провианта и 90 пушек. Осада затягивается на девять долгих лет... И так бы все это длилось, если бы один монах, по имени Феоктист, не оказался перебежчиком: не смог он изо дня в день глядеть с монастырской стены, как изменяет ему с солдатами любимая девушка. Девять лет терпел, на десятый сдали нервы. Указал стрельцам плохо заложённое камнями отверстие в стене. В одну из метельных зимних ночей монастырь был взят. Защитники его проснулись слишком поздно... Еще в начале века изменнику Феоктисту пели анафему» (стр. 162—163).

Должна была бы Г. Башкирова догадаться, что если монах Феоктист помог, хотя бы и изменнически, царским войскам взять непокорный монастырь, то ему не могли от того «петь анафему».

Сколько тут ненависти к русской истории, сколько презрения к ней и к русским святыням! Откуда это? Ведь период огульного издевательства над историей России, так называемой, школы Покровского давно оставлен. Или же это признак нового нападения на прошлое нашей родины со стороны властей, испугавшихся того, что пробудившаяся в широких кругах любовь к родной истории влечет за собой оживление и религиозных чувств?

Но есть у Г. Башкировой и худшие строки.

На странице 63-й, рассказав историю о «святом сокольничем Трифоне», она пишет: «Когда я бываю в Сокольниках, захожу и к Трифону (зачем она заходит в церковь — неизвестно). Однажды при мне влетел в церковь довольно молодой человек: костюм с иголки, в одной руке шляпа, в другой — папка с «молниями». Торопился он ужасно. И занимал видно довольно солидный пост. Оставил такси за два квартала и пробирался тайком, проходными дворами. Бойко по деловому купил свечку за пятьдесят копеек и на цыпочках поспешил к Трифону.

Скорей зажег свечку и выбежал из церкви. Конечно он был в стрессе. Что это было на самом деле? Какой могучий страх привел его сюда? Так хотелось спросить. Но его поклон Трифону был так стремителен, что я не успела обратиться с духом».

Ведь тут протаптывается тропинка к величайшему преступлению нашего времени, которым постыдно прославилась наша отечественная психиатрия, к насильственному заточению в сумасшедшие дома вполне здоровых нормальных людей только потому, что они обнаруживают религиозные верования.

Раз он ставит свечу св. Трифону, значит у него стресс, значит его терзают страхи, значит он не вполне нормален.

*

Есть еще в рассматриваемой книге строки, с которыми нельзя согласиться.

На стр. 151-й Г. Башкирова вкладывает в уста некоей Людмилы Ивановны такое заявление: «Духовной жизни у человека гомеровской эпохи просто нет... Что делал и где путешествовал Одиссей, вы помните, вы даёте его характеристику, вытекающую из его поступков. Но вы не можете вспомнить, о чем он думал, что его волновало. У Гомера этого нет. И не могло быть. Это доказал в своих работах французский психолог Вернан».

Духовная жизнь, конечно, есть и у героев Гомера и у самого Гомера.

Перемирие, которое греки и троянцы заключают, чтобы хоронить своих мертвецов, это акт, вызванный почитанием и любовью к убитым, т. е. духовным движением. Тоже можно сказать и о сражении за тело Патрокла, и о трогательнейшей сцене мольбы Приама о теле Гектора.

О духовных процессах говорит также употребление в Илиаде и в Одиссее (и в Одиссее даже чаще) таких слов, как: ΔΙΚΑΙΟΣ (справедливость), ΟΣΙΟΣ (благочестие), ΘΕΟΟΥΔΗΣ (страх Божий). Эти слова свидетельствуют о религиозных переживаниях героев Гомера. А религиозные переживания — это высшее проявление духовной жизни.

А то, что Г. Башкирова и Людмила Ивановна считают признаком отсутствия духовности у героев Гомера: их крайнюю сдержанность в изложении своих чувств; то, что в обеих поэмах говорится значительно больше о действиях героев, нежели об их переживаниях, — это свидетельство мужественности и цельности этих героев. Сильный мужественный человек не любит распространяться о своих думах и чувствах. В житиях святых тоже обычно говорится больше о действиях святых, чем об их переживаниях. Между тем святые — это гиганты духовной жизни.

Наоборот, у героев французских драм XVII и XVIII веков значительно больше показано переживаний, чем действий. Но именно герои этих драм — люди невысокого духовного уровня.

Ярче всего одухотворенность Гомера проявляется в его т. н. «Песнях», которые классическая традиция, сохранившая нам Илиаду и Одиссею, без сомнения приписывает ему.

В гимне Делийскому Аполлону Гомер поет: «Как восхваляю тебя, того, кто превыше и достойнее всякой хвалы?! Воспою ли как Лета породила тебя на радость и утешение всякому человеку? Как ты родился на острове Делосе, омываемом вокруг морем».

Тут мы слышим словесные элементы, прообразы тех, которые потом полнозвучно могуче зазвучат на том же греческом языке в наших православных византийских песнопениях.

Нет, напрасно Г. Башкирова хочет снизить Гомера и его героев до бездуховного безрелигиозного уровня, которых пыгтаются насильем и гонениями насадить боготорцы на нашей родине.

Русский солдат

В предыдущих и в этом номерах «Зарубежья» затронута тема величайшей важности — Освободительное движение генерала Власова, — тема, непосредственно касающаяся каждого из нас. Для того, чтобы лучше понять сущность этого движения, стремления его участников — солдат и офицеров, необходимо иметь представление о той среде, той толще народной, из которой вышли власовцы.

Наш современник, гениальный русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года Александр Солженицын в своей книге «Август четырнадцатого»*) в описании одного события дает, как нам кажется, наиболее выпуклое и красочное представление о русской армии периода первой мировой войны, всего лишь 30 лет

Все они были — из Дорогобужского полка, позавчера оставленного арьергардом. И там они отбивались. До темноты. Штыками больше, патронов не достало. Сильно не достало. (Теперь, наученные, что патроны нужнее хлеба, сны и нагрузились от брошенного другими). Там полк их лег. Сохранились из рот, ну, по дюжине человек. Да где по дюжине...

А полкового командира их, Кабанова, они взяли в Россию снести. В России похоронить...

Только это они рассказали. В круговой сплотке еще минуту молча постояли, посидели. И вот-вот должны были разойтись по своим местам поднимать носилки: разный был путь на выход. Вот-вот должны были разойтись, но еще одну доверчивую минуту медлили. (И задумал Ярослав, чтоб любимый его полковник взял под свою руку и этих дорогобужцев тоже, ну куда они сами? ну что ему стоить!).

А Воротынцева, и сам с такой же ссадиной кровяной на челюсти, ловя не именно эту доверчивую минуту, но ловя не дознанное им в операции, уже раскладывая карту по иглам и шишкам, уже тянулся руками и мыслями к тому неизвестному дальнему погибшему полку:

— Там — это где ж вы могли стоять?.. Какой же дорогой вы прошли? Сколько верст?

И еще раньше, чем от поручика, услышал от солдат:

— Да верст сорок будя...

— Може и больше...

(Сорок верст! — и несли! И как же веру их, силу их не поддержать?!).

Не много и поручик мог по карте, потому что все эти дни был без карты, знал только Деретень и компас на юг с расчетом на тот узкий межозерный проход, которым и наступали прежде. А дальше и солдаты вперемежку не меньше могли объяснить: дубососновым лесом шли, горки да порки; ЛИНИЮ переходили; хутор разоренный; лес долгий; перешеек, заросший сплошь; деревню с церковью; реку бродом; а дальше наших войск — тьмотемно, поперец текли; да только...

Да только дорогобужцы из мертвого полка уже как бы не относились к своему корпусу — расплатились с ним за всю войну. В тот Успенский денек они как бы уже лебезили все в мертвецах, и у кого еще ноги двигались — вольны были теперь уходить как хотят. Они своими животами небронированными уже прикрыли раз отход всех остальных и больше не были перед ними в долгу. Они не объясняли этого прямо; может и сами этого не охватили, но так выступало из их слов сказанных, а еще — промолчанных, из их особого случая, как они разговаривали с чужим полковником, минуя своего поручика, и — из двух пар носилок, по отшибным лесным местам пронесенных без ропота сорок верст. (По меридиану тридцать, а с извилинами натягивало больше сорока). И так со своим бывшим корпусом они не смешались, его дорогу переступили, видимо, тайком — и просекали лес по своему отдельному замыслу, не подневольному, не по команде и погоне унтера и явно не по команде Офросимова, ибо не мог он приказывать себя раненого сорок верст нести на плечах. Что там было до третьего дня между ними — взаим-

до Власова. Речь идет о походе десяти солдат Дорогобужского полка, несущих на носилках тело убитого командира, чтобы похоронить его в России, и раненого поручика. Поразительна глубокая, искренняя религиозность солдат и офицеров, благодаря которой в решающие моменты рушатся сословные и другие существовавшие тогда перегородки и офицеры и солдаты перестают быть начальниками и подчиненными, остаются русскими людьми, говорящими на общем всем понятном языке, даже более того — одинаково чувствующими и потому понимающими друга друга без слов.

Предоставляем слово Александру Исаевичу.

ное порицанье ли, досада, недоброжелательство, теперь все было прижжено тем смертным днем.

Так нехотя они свою тайну выговаривали, что лишь к концу сказали — а от кого бы скрывать? — что выносят они и знамя Дорогобужского полка. Оно обмотано по телу поручика...

Небо над соснами голубело, а там, где остался дымок нерастянутых облачков — их забирало розовым. Опять занималось погожее тихое утро, не ведая никакой войны. Да близкой стрельбы и не слышалось, смутная далеко была.

Я и чую — ты не тамбовский ли, — говорил Арсению пожилой, борода венчиком, рассудительный. — А уезда какого?

— Да Тамбовского ж! — все на коленях, со всегдашней своей охотой отзывался Арсений.

— Так и я! — дивилась борода, но чинно. У него были повадки грамотного. — А — волости? а — села?

— Из Каменки я! — радовался Арсений.

— Из Каменки?? Да чей же ты?

— Благодарев.

— Какой Благодарев? Не Елисея Никифорыча?

— Его!! Меньшой! — скалился Арсений.

— Так-таак, — одобрял старший земляк и достойно, не по-солдатски, обглаживал бороду. — Так я тебя знаю. А Григория Наумовича знаешь?

— Ну как же! — чуть не обиделся Арсений. — Его и все баткой зовут, голова-а-а! А ты?

— А я — туголуковский.

— Туголуковский!!! — раскидал Арсений ручища и всех звал подивоваться. — Так оттуда ж все кони добрые. И мы там покупали.

— Лунцов я, Корней

— Да вас там пятьсот дворов, не перезнаешь.

И — все заулыбались, как породнились обе прупы, и всем оттого радость. Что там в одном полку, если деревни рядом!

— А вон еще у нас тамбовский — Качкин! — показывал Лунцов на мрачного боровка лет тридцати, с широкой головой, слишком широкими плечами, короткими руками, а спина и трудь — подлинно колесом, но не по бабьи выпирающая грудь, а по-мужичьи, хоть в соху его запрягай. — Только он дальний иноковский.

— Хо-о-о, — отмахнулся Арсений, — и-иноковский! Эт с Вороны, что ль?

— Ну. Слышь, Аверьян, вот с волости соседней парень. Качкин исподлобья, но одобрил:

— Хорош землячок, подкормил. — Сощурил глазки, и без того маленькие, а хваткие: — А нож — кинь!

— Зачем тебе?

— Немца колоть.

— Так и мне!

— Так у тебя не один.

*) А. Солженицын, Август четырнадцатого (10—21 августа ст. ст.). Узел I, ИМКА-ПРЕСС, Париж 1971, 573 стр. с двумя картами. Помещаемые здесь выдержки взяты из главы 50, стр. 435—451

Не один был у Арсения, да, он с запасом взял. Но и — чужим солдатам отдавать? Оглянулся на своего полковника.

А Воротынцев — на Качкина, на колесо его от груди к спине.

— Дай.

Не — дал Арсений, не — встал подать, не — протянул. А как стоял на коленях шагов за восемь от Качкина — размахнулся и метнул нож мимо плеча чьего-то, — и у самой Качкина ноги, обдирая сосновый вздутый корень, врезался нож в землю стоймя.

Качкин выдержал, не убрал ноги. Вытаскивая нож, сказал:

— Ничего, подходяво. За тамбовского сойдешь.

И посмотрел лезвие на свет, с жала.

— А костромских нет? — спросил Воротынцев.

Нет. Воронежский. Новгородских двое.

Медленно, внимательно пересматривал их всех полковник. Один гусак насупленный в счет не шел. Один ласковый услужливый так и просился — встать, доложить, ответить.

— А ты откуда?

Подскочил, засиял:

— Архангельский, ваше высокоблагородие, Пинежского уезда. Монастырь Артемия Праведного у нас, может слышали?

— Сиди, сиди. — Дальше смотрел. И увидел крупного запасника с той бородой, какую бороной расчесывают. — ...

Он и ел неспорно, глаза переводил неторопливо.

Воротынцев выглядел озабоченно.

— Поели? А вода дальше будет, озерко малое. А ноги как у вас? — Отвечали, но он не об этом думал. Объявил, но как-то некатегорично: — Если хотите, можете с нами идти.

Харитонов просиял. Да не могло же быть иначе!

— Выходить придется и-ночью, — все озабоченнее объяснял Воротынцев и не на поручика глядел, а пересматривал солдатские лица, больше — на олонецкого, на Лунцова, на Качкина. — Сегодня же, ночью. Придется шоссе переходить. Это сложно будет. А после шоссе, наверно, бегом бежать.

На отдаленном пне сидел прямоголовый сообразительный Ленартович и в испуге смотрел на Воротынцева: слишком рано он составил о нем мнение как об умном человеке. Он не спятил ли? Если от шоссе бежать — как же тащить этого поручика на носилках? А уж труп зачем волочить, что за обряд дурацкий? Ну, и перестреляют всех. Живым погибать для мертвого? Неужели он так их и возьмет?

Именно это и восхищало Ярослава, это нерасчетное упрямство и было самое трогательное: что мертвого они несли, что полкового командира даже мертвого не хотели оставить чужой земле! И почему полковник мялся, тоже понимал Ярослав: тут странная была группа, не армейское что-то, отношения не подчиненности, но доверия, не поручик Офросимов командовал ею, а как бы сама собой она командовала, оттого и спрашивать надо было самих солдат.

Воротынцев оглядывал их. Солдаты молчали.

Ну, правильно, понял Ленартович, тут сложность в том, что поручик Офросимов всю дорогу не мог велеть полковника бросить, а себя нести: если подрубить это наивное убеждение, его и самого могли бы оставить. Но Воротынцев-то волен приказать похоронить, да и поручика нести еще подумать надо.

На пнях, на земле, на скатках — вразброс сидели дорожбужцы, и было бы это как собравшийся деревенский мир, — если б не две пирамидки винтовок. А Воротынцев — деятельный, уверенный, непреклонный полковник, — вдруг стоял обмявшись, на расставленных ногах, руки плетью, из-под козырька поглядывал. Поглядывал на дорожбужцев. И молчал.

И солдаты молчали, не все смотря на полковника — кто и в землю, кто на носилки одаль.

Когда полковник, еще раз обглядывая всех, остановил-

ся на Корнее Лунцове, тот провел по серой веничной борде, всю ее никак одной рукой не захватывая, и спросил со значением:

— А — сколько еще до России верст, ваше высокоблагородие?

Далась им Россия, чучелы, будто немцы туда придти не могут! Пулеметов они не понимали, только версты. Если полковник уступит, надо Саше эту группу бросать.

А Качкин короткоухий какую-то кривулину корневую с руки на руку перебрасывал. Так — и так. Так — и этак.

Еще проверил Воротынцев стоялый озерный взгляд олонецкого — и вот уже выпрямился из колебаний, вскинулся и, четко:

— Хорошо, выступаем! Прапорщик! — сощурился на гордую голову Ленартовича. — Мы с вами сменим двоих под покойным.

Как прищипил. Вздорная игра, а состояние безвыходное, ничего и не возразишь. Саша повел головой, как бы не веря. Плечами пожал. Поднялся медленно. Ступнул не сразу, к носилкам. Попробальное шестие, идиоты.

— Я тоже, господин полковник! — беспокоиво вытонулся Харитонов, но Воротынцев рукой отклонил.

Вместе с Ленартовичем они взялись за передние жерды — и подняли, лучше и хуже угадывая хватку задних. По росту ровни, пошли, попадая в общий лад, чтоб раскачки не было. Вчетвером не очень было тяжело, но неудобно, спотычливо.

Хотя и неприязненно, с видимым подозрением, принял вчера полковник Ленартовича, но Саша за вечер и за ночь оценил как удачу, что встретился с ними. ЭТОТ, пожалуй, выведет. Такие изнурительные часы настали, все силы отбирая движением и опасностью, что отдаться умелой воле успокаивало и отупляло: не искать, не беспокоиться, а делать и шатать, как скажут. К тому же с первых минут Саше нетрудно было заметить, что это яснолюбый полковник — какой-то редкий среди офицеров тип: по-настоящему, кажется, интеллигентный и образованный человек. А с другой стороны, если он истинно-образованный, да еще имеет власть, — как же мог он поддаться темному немому завету этих диких запасных из нечесанных углов России? Ну, пусть как серьезное что-то выносили знамя — тряпку казенную, никому не нужную, всеми уже осмеянную, но она хоть не весила ничего, да вот что: она была хороший предлог для Офросимова, чтоб его самого тащили. Но:

— Господин полковник! Зачем же все-таки мертвого нести? Ведь это дикость.

Они шли впереди, и слышать их только и могла бы третья голова за самыми их плечами, затылком вниз, покачливая на ходу.

Воротынцев не возразил.

— Какая же это современная война? — смелел Саша.

Живые, умные у него были глаза, перед которыми не отделаться тупой армейской отговоркой. Но имел Воротынцев тон, чтобы и такие глаза моргнули:

— Современная война встретит нас на шоссе, прапорщик. Вы бы прежде подумали — чем будете стрелять? Этой пикалкой не настреляешь.

Может быть и верно, но все это увертка. А вот на главное возвращал его Саша:

— Сейчас вы заставляете нести труп, потом прикажете нести этого поручика, наверняка черносотенца, по лицу вижу.

Саша рассчитывал — полковник рассердится. Нет. Так же отрывисто, и даже думая будто о другом:

— И прикажу. Партийные разногласия, прапорщик, это рябь на воде.

— Партийные — рябь?? — поразился, споткнулся Саша, извернулся под жердью. Два-три пути возражений сразу открылись перед ним, но наступательный был наилучший: — А тогда что ж национальные? Не рябь? А мы из-за них воюем? А какие ж разногласия существенны тогда?

— Между порядочностью и непорядочностью, прапорщик, — еще отрывистой отдал Воротынцев. И внешней

свободной рукой приподнял, растегнул планшетку, на ходу смотрел то под ноги, то в карту...

Они оказались в глубь леса на открытой гряде, в утреннем солнечном боковом просвете. Сосны стояли здесь редко, на бронзовых, иногда дуговатых, стволах, на возвышенных раскинутых ветвях держа свои сквозистые крутило-живойные шапки. Раннее солнце уже теплило стволы — и до позднего вечера весь обход не должно было уходить отсюда. Должны были белки любить это место, в весну — тянуться сюда зверьки на первые обсохи: здесь быстрее всего сходит снег, и никогда не стоит вода. А назад, откуда пришли они, гряда спадала просторным длинным склоном в просторную же впадину и туда по чистым иглам между чистыми соснами хоть боком прокатывайся.

А еще выступал из гряды отдельный холмик. К нему то и поднесли носилки.

Ничего не объясняя, Воротынцев постоял, осмотрелся и дал другим осмотреться. И тогда уже не в колебании и не тоном упрасивания, но уверенно объявил дорогобужцам:

— Ребята! Полковника Кабанова мы похороним здесь. Лучшего места не будет. А немцы не нехристи.

И — пересмотрел, пересмотрел дорогобужцев. Добавил тихо:

— Иначе нельзя. Не выйдем.

Что не выговаривалось и не принималось на серой расветной вырубке в низине и при первой встрече — то здесь, на радостной высоте, в ласковом утреннем солнце, в первом разогревном смольном запахе и от того, кто сам эти носилки понес — принялось, уложилось. Та сумрачная тень на лицах — вины, не вины, отчего бы вины? оттого ли, что столько умерло, да не они? — ту тень прорвал им чужой полковник. И вот — не было сопротивления на лицах.

Олонецкий снял фуражку, повернулся к востоку; про себя молясь, перекрестился истово; поклонился поясно; — Бог простит.

И другие иные перекрестились.

— Арсений, где твоя лопатка? Начинай. Вот тут. — Показал на холмик.

Всем снабженный, ко всему приспособленный, на все всегда готовый, Благодарев безупынно отстегнул саперную лопатку, как если б к этой работе только и шел сюда, взошел на холм — там был простор и всем собраться, стал на колени, хоть сколько-то ноги укорачивая, и врезался, где не было корней.

И у дорогобужцев оказалось две лопатки. Давно самый готовый к делу из них, подкатился быстро Качкин тяжелым комом, и, начиная тоже с колен, стал бить и выбрасывать, бить и выбрасывать землю — с дикой силой, без всякого передыха.

Такой был цельный обширный лес, что война, бушующая вокруг, сюда, в эту глубь, за всю неделю не заглянула ничем: ни окопчиком, ни воронкой, ни колесным следом, ни даже брошенной гильзой. Разгоралось мирное утро, сильный смоляной разогрев, приглушенно перещебетывались, молча перелетали августовские успокоенные птицы. Обнимало и людей безопасное вольное чувство: будто и окружения никакого нет, вот похоронят — и по домам разойдутся.

Могила готова была. И крышка к носилкам готова.

Но как-то надо ж было отпеть? какой-то кусочек панихиды? Слыхивал Воротынцев панихиды не раз — а повторить или другим указать ничего не мог, дело это было офицеру стороннее, священское, не запоминалось.

Его нерешительный взгляд перенял Арсений — он рядом стоял и потягивался, спину разминал. Перенял — и сообразил ведь! — никаким образовательным развитием не созданная, такая уж была быстрая сметка у парня. А еще за эти трое безмерно-наполненных суток установилась между ними бессловесная неоговоренная взаимная область разрешенья и прав, вообще невозможная между полковником и нижним чином да еще при разнице в годах. И вот, ни слова приказа не получив, ни слова предложенья не высказав, Арсений, уже принимавший столько разных взглядов, для каждого дела свой, еще принял но-

вый: выпрямился, приосанился, переимные от кого-то важность и строгость появились в лице и в голосе.

Фуражку снял, швырнул за себя, не глядя. Спросил у всех, ни у кого, брови нахмура, как имеющий власть, голосом не будничным, возвышенным:

— Как покойника звали-то?

А солдаты — и не знали, солдатам — «ваше высокоблагородие» сунуто. И никто б не знал, если б не Офросимов. От земли, со своих носилок, ответил взнесенному нижнему чину:

— Владимир Васильевич.

И тут же шагнул Благодарев к покойнику, наклонился, снял платок с лица — за пять минут до того не дерзнул бы. С выпяченной грудью, с головой прямой обернулся к восходу, к солнцу — и чистым сильным голосом и точно дьяконской манерой воспел до высоких сосенных вершин:

— Миром Господу по-мо-лим-ся!

Так это было властно, сильно и точно по-церковному, что пригашенья не требовалось больше, — и олонецкий, и Лунцов и еще человека два сразу поняли и тут же отозвались, закрестились, поклонились востоку каждый на том месте, где стоял:

— Господи поми-луй!

И первым же, всех зычнее, пел среди них Арсений, из дьякона тут же перейдя в первый голос церковного хора. А отпев, — перешел снова в зычного, сочного дьякона, с удивительной мерой ритма, интонации, речитатива — не умея повторить, Воротынцев узнавал с несомненностью:

— О приснопамятном рабе Божьем Владимире — покой! тишины! блаженные памяти его, Господу по-мо-лим-ся!

И уже всех захватывая, и офицеров, уже все собираясь к покойному, с головами обнаженными и лицами к востоку:

— Господи поми-илу-уй!

Сколько ж сторон и объема во всяком человеке, вот в молодом крестьянине из глухого тамбовского угла: три дня с ним вместе идешь через смерть, потом бы потерял навсегда, так бы не узнал, не догадался, не задумался, если бы не случай: он в церковном хоре поет, и не один же год, наверно, и к службе прислушан, и это нечто важное в его жизни, любит, знает — эх ведь выговаривает до точности в каждом звуке и в каждой паузе, с полным смыслом, все интонации правильные:

— О неосужденным предстати у страшного престола Господа славы, Господу помоллимся-а-а!

Поднесли и Офросимова, поставив лицом к востоку. Он сидя крестился и тоже пел. И Харитонов, теперь увидевший загадочное лицо героя, пел, ощущая слезы, но слезы освобождающие:

— Господи поми-и-лу-уй!

И дальше властно вел дьяконский голос, не стесняясь чужбинным лесом:

— О яко да Господь Бог наш учинит душу его в месте светле, в месте злачне, в месте покойне, иде же вси праведнии пребывают, Господу по-мо-лим-ся-а!

Отчасти уже обывалась молитва: для тела уже вот и было учинено такое светлое покойное место.

Все на восток, только и видели в спины друг друга — и невидим был лишь последний, самый задний, не подпевший ни разу, с кривоватой улыбкой сожаления, но все же голову обнаживший Ленартович. Зато перед всеми стояла в поясных поклонах нагибалась и распрямлялась гибкая сильная спина Благодарева, лишь потому не широкая, что еще длинная. И привольны, отсердечны были крестные взмахи его сильной длинной руки, готовой и к работе и к ночному бою за жизнь:

— Милости Божия! Царства небесного! и оставления грехов испросивши тем и сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу пре-да-дим!

И — выше солнца, выше неба, прямо к престолу Всевышнего четьгрядать грудей мужских напевом проверенным, голосом слитным, восслали уже не просьбу свою, но жертву, но отречение:

— Те-бе-е, Гос-то-ди-и-и! . .

СВЯЩ. ДИМИТРИЙ ДУДКО

Огласительное слово № 1

Отец Димитрий Дудко родился 24 февраля 1922 года в бедной многодетной семье крестьянина небольшой деревни Брянской области.

В 1944 году его призывают в армию. После демобилизации в 1945 году он перебирается в Москву и поступает в Духовную семинарию и по ее окончании в Богословский институт, который через два года переводится в Троицко-Сергиевскую Лавру. В 1948 году он фактически беспричинно арестовывается. В 1956 г. Дудко освобождается и возвращается в Москву, получает возможность продолжить учение в институте, который кончает в 1958 году. Рукоположение в священники состоялось лишь в 1960 году. Отец Димитрий сразу привлекает к себе внимание

Нужно быть христианином. Не числиться только, но быть им. Бытие христианина осуществляется через крест. Нужно взять крест свой и следовать за Христом.

Мы боимся креста и поэтому нет у нас бытия — жизни, есть существование, прозябание. Оттого нас легко уловить на приманки земных благ, нас легко запугать всякими угрозами. А кто берет крест, тот не обольщается и не боится. Крест — орудие спасения, за крестом видится воскресение, вечное торжество. Кто берет крест свой — никогда не отойдет от Христа, а будет верно следовать за Ним, ибо знает, что в Нем жизнь и жизнь вечная.

Кто хочет жить, тот берет крест свой и следует за Христом, таким образом утверждая свое бытие — быть христианином.

Все сейчас пришедшие в храм, вероятно не раз бывали в нем, но все ли отдадут себе отчет, что значит быть в христианском храме, что вообще значит христианство.

Можно услышать такие суждения: не обязательно, мол, знать, нужно в простоте сердца верить. Простота сердца несомненно нужна, но христианство заключается не только в сердце. Христианство должно заполнить и наш ум и укрепить нашу волю.

Христос начал Свое Дело с проповеди. Послал на проповедь Своих апостолов. И не случайно, когда в древности люди переходили из язычества в христианство, прежде чем их крестить их оглашали, т. е. научали истинам веры.

Большинство, если не все пришедшие в храм, — крещенные. Многих крестили в детстве, некоторых крестили в зрелом возрасте. Но я вот, особенно в деревне, столкнулся с таким явлением, что есть люди, которые не знают, так говорится, азов христианства. И вот, с сегодняшнего дня, с сегодняшнего вечера, мы начнем Огласительные Слова о том, что такое наша христианская вера.

От незнания христианских истин мы живем как во тьме, хотя, может быть и посещаем храм, молимся Богу.

Вера, как говорит апостол, «от слышания» (Рим. 10, 17), а как слышать, если не будет проповедана? — Мы намерены рассказать находящимся в храме о том, что такое наша вера, что такое наш храм с его богослужением, какова наша христианская история общая и частная, наша русская; рассказать о том, какие были святые люди, за что мы их почитаем и обращаемся к ним, чтобы они за нас походатайствовали у Бога, зная, что молитва праведника особенно сильна. Рассказать о том какова цель нашей жизни, к чему мы стремимся и чего достигаем. Кто осмелится сказать, что нам это не нужно?

Правда рассказывается такой случай: был один язычник-простолодин, который, прыгая через костер, говорил: «Тебе, Господи и мне, Господи» — и это было его безыскусной молитвой и Бог его слушал. Но когда его научил вере один христианский проповедник, — сила молитвы у него пропала и тогда этот проповедник ему сказал: — «как ты молился, так и молись!»

Приводя этот рассказ, некоторые пытаются оправдывать свое невежество и говорят: — «К чему нам христиан-

своими особенно яркими проповедями. В результате его переводят в храм Преображенского кладбища на окраине Москвы. Уже вскоре этот небольшой храм делается центром полонимчества множества москвичей, стекающихся сюда со всех концов города. В 1973 году отец Димитрий начинает свои Вечерние Беседы, привлекающие самых различных людей, массу молодежи. Естественно, что деятельность отца Димитрия должна была вызвать недовольство власти имущих. В мае 1974 года Патриарх запретил отцу Димитрию проводить Беседы.

Ныже мы приводим только что полученное из Москвы «Огласительное Слово» № 1 и 2 отца Димитрия.

ское просвещение?» Однако, этот рассказ к нам не приложим по многим причинам:

Во-первых, — мы не язычники и что достаточно язычникам, то не достаточно нам, христианам, да у нас и нет той силы молитвы, какая была у этого простолодина;

Во-вторых — спросите себя, неужели нам не хочется знать во что мы веруем, неужели нам, живущим на протяжении 20 веков христианства, образцом может служить языческая молитва?

Попробуем вникнуть в преподаваемые нам христианские истины. Вникнуть не только умом, а сердцем, укрепить свою волю, тогда посмотрим, что получится.

С чего начать Первое Огласительное Слово? — Начнем с того, что вот мы сейчас находимся в храме. Кто может находиться в храме?

Над этим вопросом мы как-то даже не задумываемся. Двери были открыты для всех и идут в храм все, кому ни ездывается. Один приходит, чтобы, может быть в самом деле помолиться; другой — чтобы поглазеть, что это, мол, за храм в наше безрелигиозное время; третий — может быть еще с другой целью... А знаем-ли о том, что в древности, в определенное время, оглашенных, т. е. не обученных, не познавших христианских истин, — вывели из храма? И сейчас мы во время Литургии слышим: — «оглашенные, изыдите!» — т. е. выйдите, оглашенные. «Двери, двери, премудростию вонмем» — т. е. закроем двери, преподается христианская Премудрость... Если мы поймем это как следует, то храм для нас будет ОСОБЫМ местом, таким местом, где величайшая Святыня, перед Которой благоговеют Ангелы Божии. И в таком случае, как важно оглашение для нас — чтобы нам очиститься, познать христианские истины. Тогда может быть и не будет твориться в храме то, что сейчас творится: тут и разговоры, тут и звяканье деньгами, тут и улыбки, тут и рассказы о том, как кто живет, что есть нового и т. д.

Господь терпит до времени. Терпел Он и древних иудеев, которые превратили храм — Дом молитвы в вертеп разбойников. Как говорится в Евангелии: Христос взял бич и выгнал торгующих и покупающих из храма (Мф. 21, 12-13). Молитва ведь не покупается и не продается. Храм — ОСОБОЕ место, место Святыни и должен таким для нас быть. Как по-вашему, такое знание полезно будет для нас или нет? — Бесспорно, полезно и не только полезно, но станет отдыхом для души. Всюду ведь в жизни так много удручайшей суеты, что душа жаждет отдохнуть от нее. Где же отдохнуть, как не в храме Божиим?

Нужно добавить, что здесь и не отдых только, но и заряд на то, как нам быть в жизни. Здесь нам подаются благодатные силы. В храме, если образно выразиться, — школа жизни. А чем мы живем, отчего так разуверились во всем, отчего нет доверия друг к другу, отчего пьянство и разврат разложили и испоганили нашу жизнь? — Потому, что, если и приходим в храм, то не для того, чтобы поучиться как нам жить, а, если так прямо сказать, — чтобы потоптать Святыню.

Как мы ведем себя в храме — это, буквально, — топчем Святыню. Кто из нас как следует чувствует, что храм Святыня? — Если бы мы чувствовали, что храм — Святыня, то с каким благоговением мы стояли бы в храме! А так, с какой развязностью и вольностью мы, порой, находимся даже в Алтаре, в Святое святых! Может быть кое-где в храме кто-нибудь на минуту сосредоточится и вздохнет из глубины души к Богу — «Господи, прости нас и просвети!»

Как видите, христианское просвещение нужно нам для нашей веры и для нашей молитвы. Нельзя же в самом деле ограничиться тем, что кое-как перекрестим лоб, скажем какие-то слова, закажем, допустим, молебен и этого достаточно. Это ведь может быть хуже того, когда язычник, прыгая через костер, посвящал свой прыжок Богу. Наше махание рукой (неумелое крестное знамение — Ред.) — порой хуже языческого прыжка... Будем же сознательно приходить в храм, с благоговением молиться, поучаться истинам веры и научиться КАК НАМ ЖИТЬ, чтобы достигнуть Царства Небесного. А ведь ходим мы в храм, чтобы достигнуть Царства Небесного. Наша цель — достигнуть Царства Небесного.

Земная жизнь кончится, неужели мы живем только здесь? Неужели жизнь закончится в таком, порой, бессмысленном круге, который мы совершаем, идя по Земле?

Чтобы вести беседу дальше, скажем о том, кто может входить в христианский храм.

Сразу же хочу обратиться к стоящим здесь с вопросом. У всех-ли имеются нательные крестики? И думаю, что не у всех они имеются. А ведь без нательного крестика и в храм нельзя заходить. Нательный крестик — это, если по современному выразиться, — пропуск, чтобы зайти в храм. Билет, по которому нас сюда пропускуют. Конечно, никто при входе в храм у нас крестика не спрашивает, вы никому его не предъявляете, но мы ошибаемся, если думаем, что сюда можно зайти без крестика.

Отчего некоторые благочестивые христиане при входе в храм делают поклоны — прямо, а потом вправо и влево?

Поклон прямо — смотрите, впереди нас изображение Спасителя. Вы думаете это — только изображение? Нет, это икона. А как Матерь Божия сказала об иконе? — «В ней благодать Моя и сила». В иконе — благодать и сила. Икона Спасителя напоминает о том, что на главном месте в храме — СПАСИТЕЛЬ. И что, Его можно обмануть с крестиком мы или без крестика? Икона Спасителя — внешний знак того, что Он, Спаситель, здесь — в храме. Он все видит. Да, Он видимым образом не скажет нам: «предъявите пропуск, билет — свой крестик», но совесть нам должна-же сказать за чем нам надели крестик при крещении.

Крестик — знак, что мы крещены, а если мы не крещены, то нам сюда и зайти нельзя было-бы. И когда мы снимаем крестик, мы пренебрегаем Таинством Крещения. Поклон — прямо, это как-бы мы говорим Спасителю: «крестик на нас и нашим поклоном мы Тебе об этом, Господи, заявляем».

А поклон — вправо и влево — это поклон Ангелам и угодникам Божиим. И они видят. Войдя в храм, мы вошли в место святое и с нами должна быть наша Святыня. Крестик — Святыня.

Попробуйте же сейчас рукой, на вас ли крестик? А если нет, то поклонитесь сейчас же Богу и скажите: «прости нас, Господи, отныне всегда будем ходить в храм с крестиком и не только в храм, а везде будем с крестиком. Отныне крест станет нашей христианской гордостью».

Некоторые сразу могут выразить свою тревогу: в школе, когда замечают на детях крестики, заставляют их снять, начинают преследовать детей, травить их, насмехаться над ними. На работе, если узнают, что мы носим крестик, начинают прорабатывать нас, так что, гляди, кик-бы чего не вышло... Вот она и проверка нашей веры. Видите к чему нас обязывает крестик — к исповеданию Христа перед народом. Кто снимет крестик — тот

боится исповедовать Христа перед народом. А кто откажется от Него, от того откажется и Христос перед Отцом Небесным, сказано в Евангелии (Мф. 10, 32-33).

И еще могут задать вопросы: первый — можно-ли детям прикалывать крестик к рубашке; второй — не рано ли в детском возрасте заставлять быть исповедниками веры? Надевая крестик мы ведь заставляем их исповедовать свою веру.

И еще, некоторые из молодых теперь носят крестики, как какую-то безделушку, будучи даже неверующими. У них это какая-то бравада. Не уподобляемся ли и мы им, когда носим крестик недостойно?

Некоторые начинают рассуждать: — ведь можно и тайно веровать, от этого, мол, вера не становится слабее, да и к чему, мол, такая открытость в вере, ведь и Христос говорил, что когда молишься — молись тайно и «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6). Но Христос обличал фарисеев, когда они пытались это делать открыто, на показ. Такие вопросы — вопросы от лукавого. На эти вопросы я прежде всего отвечу вопросом: задумывались-ли вы, что значит «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник и светит всем в доме» (Мф. 5, 15)? Если вы прикалываете к рубашке ребенка крестик — чего вы этим достигаете? — чтобы крестик не так был замечен, значит «зажгли свечу» стараетесь ее припрятать, боитесь, что ребенку будет трудно быть исповедником. Тогда не надо было его и крестить. А раз крестили ребенка, — вы «зажгли свечу», — зачем же ее прятать?

Предоставьте все в волю Божию. Вы, что думаете — ваш ребенок будет лучше от того, что он в школе будет скрывать свою веру? — Сначала вы его научите припрятывать крестик, потом он, когда спросят у него верующий-ли он, — он скажет «неверующий»... Может быть дома будет он говорить пока, что он верует, но жизнь с двойными мыслями, с «двойным дном», как выражаются взрослые, научит его лицемерить, а лицемерный может ли быть верующим?

Ваша боязнь, что ребенку будет трудно, впоследствии окажется большей трудностью, вы толкнете это на путь неверия.

Вы скажете, что я преувеличиваю — бывают ведь дети, которые не носят крестиков и сохраняют веру. Может быть и бывают, но с нас это не снимает ответственности: с детских лет мы должны воспитываться в ответственно-сти: с детских лет мы должны воспитываться в христианском духе и быть искренними, прямыми и приучаться к смелости и да, не скрою, — к исповеданию.

Фарисеи не потому были фарисеями, что молились открыто, а потому что они делали это не перед Богом, а стремились, чтобы их видели люди. Были неискренними. Когда мы искренни, эта наша искренность делает нас безопасными. Искренний не может делать что то напоказ, не может попусту и неразумно гордиться. Искренний, что бы ни делал, всегда видит перед собой Бога. Зажженная свеча искреннего светит всем и привлекает людей к Богу. Долг искреннего — не прятать «зажженную свечу»!

Что такое для нас нательный крестик? — Он знак того, что мы крестились и являемся христианами. Христианин — зажженная свеча. Проверим же еще раз, на всех ли у нас есть крестики.

Для чего носим крестики? Просто так, как значок? Или этим исповедуем Христа?

А теперь пойдем дальше.

Значит, чтобы войти в храм, прежде всего надо быть христианином, надо, значит, креститься, а если креститься, то и крестик носить, не напрасно же его одевают при крещении. Итак, нательный крестик — пропуск в наш храм.

И вот мы в храме. Мы коснулись Святыни. Перед нами Бог. Но я хочу пойти еще дальше. Чтоб храм для нас стал Церковью, местом Святыни, нужно, чтобы наша семья была домашней Церковью.

Что для этого нужно? Я задам вам некоторые вопросы:

1) Молитесь-ли вы утром и вечером? И вообще молитесь ли вы Богу?

2) Имеется-ли у вас дома Евангелие, Новый Завет? Читаете ли вы его?

3) Иммеются-ли в вашем доме иконы? Где вы их держите?

4) Воспитываете-ли своих детей в христианском духе? Как вы их воспитываете: личным-ли примером или читаете им только правоучения?

5) Какую литературу в вашем доме читают? Знакомы ли вы с житием святых?

6) Знаете ли вы Заповеди Господни?

Это минимум вопросов и рассчитан на то, когда в семье единомыслие и когда родители не по несколько раз женаты. А ведь есть такие семьи, где, допустим, жена верующая, муж — неверующий. Есть и такие, которые по несколько раз сходились, так что у детей, допустим, родная мать, но неродной отец и дети находятся в разных местах.

Такое положение требует других вопросов. К таким я ставлю один вопрос и — к тем лишь, которые веруют. Это вопрос —

7) Намерены-ли вы нести свет Христов в свою семью твердо и без колебаний? — Если намерены, то Бог вам Помощник и помните верующему невозможного нет. В конце концов, может быть после очень больших трудов семья ваша станет домашней Церковью, помощи вам всем Бог!

Огласительное слово № 2

После предыдущего Слова, наверно хотя-бы кто-то пришел сегодня в храм задумавшись. И я хочу сразу спросить вас — что вы скажете на те вопросы, которые я вам поставил?

Что, домашняя Церковь теперь — это неосуществимая мечта? Не о Церкви домашней приходится мечтать, а хотя-бы как-то удержать свою веру. Верим мы, и этого достаточно, хоть кое-как утешить себя в трудной жизни... Так иногда рассуждаем.

А знаете-ли, что религия не просто утешение, религия — СМЫСЛ НАШЕЙ ЖИЗНИ. Без веры не то, что утешиться нельзя, без веры жить нельзя. Все теряет смысл если нет веры.

И верить надо не как-нибудь, не между прочим, а чтобы вера захватила все наше существо. Только ТАКАЯ вера сделает свое дело.

Посмотрите по каким распутьям мы пошли в жизни, потеряв веру — отсюда и домашняя Церковь показалась нам неосуществимой мечтой. А ведь если нет домашней Церкви, нет и общества... И поскольку мы в прошлый раз сказали, что храм — школа жизни, то отсюда и начнем свое обучение — как надо жить в жизни.

Поговорим о прошлых вопросах, которые я вам поставил. 1) Молитесь ли вы Богу утром и вечером и вообще молитесь ли вы?

Нужно ли молиться, почему нужно молиться? — Некоторые говорят: Бог и без нас знает, что нам нужно. Зачем Ему докучать нашей молитвой? — Да, Бог знает, что нам нужно, но вот мы не знаем того, что мы, сотворенные Богом существа не просто у Него пешки, которыми Он должен распоряжаться, а мы личности, созданные по образу и подобию Божию, наделенные свободой воли, должны быть тоже творцами, хотя-бы творцами своей жизни.

Тогда к чему Бог? — скажет кто-то, — творцами: ну, и твори себе на здоровье...

Мы должны быть творцами жизни, но в том то и дело, что мы не сами сотворили себя. Источник нашей жизни — в Боге, поэтому, прежде чем творить, мы должны обратиться к Богу. С Богом мы можем творить, но, чтобы с Богом творить, нужно предварительно хотя-бы побеседовать с Ним. Договориться кое о чем. А если вспомним, что грех наш разорвал союз с Богом, то прежде всего нужно попросить прощения у Бога. И молитва, таким образом, — то, первое, с чего мы должны начинать всякое дело.

Если вы открывали православный молитвослов, то в молитвах утренних, вначале их сказано:

«Востав от сна, прежде всякого другого дела, стань благоговейно, представляя себя пред Всеви-

дящим Богом, и, сотворив крестное знамение, произнеси:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Мы, христиане, верящие в Бога, все начинаем с призывания имени Божиего. А имя Божие для нас, христиан, — Отец, Сын и Святой Дух. Это один и тот-же Бог. Не три Бога, а один Бог, но мы Его знаем, как Отца, Сына и Святого Духа.

В христианстве все соборно, семейно, если можно так выразиться. В Боге тоже Семья: Отец, Сын, Святой Дух и еще есть Матерь Божия. Эта божественная Семья соединяется с семьей человеческой: Матерь Божия — представительница человеческого рода, оттого с семьи мы и начинаем свое христианское образование. С семьи, — с домашней Церкви.

«Аминь» — означает — в самом деле так, истинно так, да будет. Сказав «аминь» — мы подтверждаем таким образом свое согласие.

Читаем дальше:

«затем, немного помедлив, чтобы все чувства твои пришли в тишину и мысли твои оставили все земное...

и тогда произнеси следующие молитвы без поспешности, со вниманием сердечным.

Вот вам условие для молитвы: чтобы чувства пришли в тишину и мысли оставили все земное. Представьте себе, когда так настроишься — чувства тихие, мысли еще не бродят по шумным переулкам жизни, — ведь это уже само по себе дает настрой. А то, как бывает: проснешься, глянешь на часы, причесал себя кое-как и — скорей в сутолоку жизни. Говорят: «как сделаешь первый шаг — так и пойдешь».

Оттого может быть мы и делаем неверные шаги, что нет у нас настроя, не настраиваемся мы, а делаем, как придется: «плыви, мой челн, по воле волн...» Начало, говорят, — уже полдела. Нужно уметь положить начало.

Пора опомниться. Грех нас завел к гибели. Жизнь настолько стала непонятной, настолько мы осуетилусь, что, как говорят, некогда ни подумать, ни сосредоточиться. Спешим, а куда скешим?

Остановись, человек! Ведь жизнь, которая тебе дана больше не возвратится. Для чего она тебе дана? — Подумай об этом. Утеряешь — возврата не будет. Не поддавайся удручающей мысли, что все нужно хватать, иначе тебе ничего не достанется. Ведь сколько ни хватай — с собой за гроб ничего не возьмешь.

Нам нужно освободиться от греха, грех омрачил наше сознание, мы ничего не видим и не понимаем. — Поэтому следующие слова молитвы:

«Боже, милостив буди мне, грешному!»

Мы, грешники, удалились от Бога и видим в какой тупик зашли. Нам нужно наладить контакт с Богом. Поэтому и говорим: «Боже, милостив буди мне, грешному!»

Мы просим прощения у Бога и только после этого может быть другой разговор.

Попросив прощения, установив добрые отношения с Богом, можно говорить и о чем-то другом.

Таким образом, когда мы открываем молитвослов, он сразу научает нас, и как надо молиться, и устанавливает контакт с Богом.

Следующие слова молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матери и всех святых, помилуй нас».

Установив контакт с Богом, мы видим, что мы не одиноки: тут и Мать Божия и все святые — здесь и человеческая Семья: Мать Божия и святые — представители человеческого рода. Оказывается есть у нас Ходатай перед Богом — Мать Божия и святые.

А без молитвы мы этого бы не знали, мы, как песчинки, одинокие песчинки, затерялись бы в других песчинках на берегу земном.

Вот, прежде всего — **МЫ НЕ ОДИНОКИ!** Вспомним свои минуты отчаяния, когда на душе тоска и грусть. Самые близкие изменили. К кому обратиться? Оттого может быть и пьют люди, что не к кому обратиться, оттого и отчаяние, оттого и самоубийства бывают.

«Боже, милостив буди мне, грешному! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь.»

С этого и надо нам начинать создавать свою домашнюю Церковь.

И вот мы в храме. Служба окончилась. Оглянемся по сторонам, где мы находимся, в каком месте. Что здесь такое... Служба окончилась, она называется всенощной. Что такое всенощная — пока не будем говорить, расскажем в дальнейшем. Сейчас внимательно посмотрим.

Перед собой мы видим иконы — Спасителя, Матери Божией, угодников Божиих. В светской жизни иконы могут называться картинами и смотрят на них тогда, как на картины. А для нас это не так. Это не просто картины, это — святыни перед нами. И вот первое — с каким благоговением мы должны стоять, перед этой святыней. А если еще представим, что это даже и не просто иконы, а Бог, Сам Христос, Мать Божия и угодники Божии смотрят на нас через иконы, то еще большие чувства и благоговения, и страха должны у нас появиться. Мы — грешные люди, явились перед Святыней, притом из каких бездн греха явились, пришли к этой Святыне.

Дальше пойдем. Вот место откуда шла служба. Называется алтарем. Как бы главная часть Святыни. Вот где стоят люди, верующие — называется средней частью храма, а перед этим — паперть или притвор.

В алтаре находятся люди, посвященные на дело служения Богу: священники, диаконы и др. Сюда как раз могут заходить только посвятившиеся на служение Богу, хотя, от нашего неблагоговения, заходят сюда все, кому ни вздумается, даже может быть еще неприкаянные крещения.

Средняя часть храма. Здесь стоят все верующие, но обязательно принявшие Таинство Крещения. И опять-таки, практически, сюда приходят все, кому ни вздумается, верующий он или неверующий, крещен он или не крещен. Святыня наша находится в посрамлении и не только потому, что к нам плохо относятся безбожники, но и потому, что мы сами своим недостойнством посрамляем ее.

Только в притворе могут находиться готовящиеся к вере и неверующие. В древности стояли там, так наз. оглашенные. Если строго разобраться, все мы теперь оглашенные... и находящиеся в алтаре, и в средней части храма,

ибо что это за вера? — Ни благоговения, ни чистоты сердечной, ни просвещения христианского у нас нет. Наше место всех — там, на паперти. И слушать и убогие, просящие милостыню. Они просят милостыню у человека, а нам бы просить милостыню у Бога, к примеру вот еще раз молитвой мятгара-грешника, к Богу: «Боже, милостив буди мне, грешному!»

Пройдем дальше. Окинем теперь мысленным взором по какому образцу строится храм. Он строится в виде корабля. Корабль — символ плавания по морю. Церковь в виде корабля — это знак того, что мы плывем по житейскому морю. Житейское море — каких волн, страшных волн ни бывает! Плыть в одиночку нельзя, волны забьют и какой бы ни был пловец, выбьешься из сил. Только и плыть можно в корабле и то, чтоб этот корабль был надежным. И Церковь должна быть — самым надежным кораблем.

Хочу заметить, что просто храм, как здание, это еще не корабль. Храм, как церковь, т. е. храм со Святыней, с верующими людьми — составляет Церковь-храм с освященной Святыней и верующими — Церковь.

Церковь основал Христос. Камни строительные положили сюда апостолы и святые люди. Создан храм в виде корабля.

Вспомним о создателях и подумаем, что создан этот Корабль надежно.

Строятся храмы еще круглые Круг — символ вечности. Значит Церковь-корабль вечен. Вот отсюда вспомним и слова Христовы:

«СОЗИЖДУ ЦЕРКОВЬ МОЮ И ВРАТА АДОВЫ НЕ ОДОЛЕЮТ ЕЕ» (Мф, 16, 18)

Врата адовы не одолеют... и тут сразу: а сколько разрушенных храмов. Каких развалин от этих храмов нет на русской земле? Значит, спрашивается: — врата адовы одолели Церковь? — **НЕТ**, не одолели!

Церковь начинается в храме, в здании, но Церковь и не только здесь. Когда разрушается храм — Церковь все равно продолжает существовать, она в наших душах. Церковь — вечна, и никто не может одолеть ее. Хотя бы только — один искренно-верующий человек оставался на Земле — уже Церковь неодолима.

Храм строится и в виде креста. А крест — это наша крепость. Через крест Господь спас род человеческий. Крест начинается в наших страданиях, крест обозначает и страдание, но крест не только страдание. Крест, через страдание — путь к Святыне, к Святости, к спасению. Креста боятся всякие демоны. Оттого и неверующие люди панически боятся изображения креста. Вы видели иногда на открытках изображения храмов, так вот там часто храм изображают так, чтобы не виден был крест. Они по инстинкту чувствуют, что крест — непобедимая сила, оттого и боятся. А как бывает в школах: с детей срывали крестики и если, допустим, у вас самих увидят крестик, то как сразу перекашиваются, злобно смотрят на вас. Вот оттого плохо делают те, которые прячут свой крестик. Крест — непобедимая сила. Будем это помнить и с гордостью, я подчеркиваю, со святой гордостью будем носить крестики.

Итак, храм-корабль, круг, крест.

Мы с вами в храме, значит, плывем по житейскому морю. Корабль, храм наш, — надежен, кругл, вечен — Церковь вечна и храм огражден крестом от всякой нечистой силы. Чего нам бояться. Мы в самом надежном месте.

Но, чтобы почувствовать себя надежно, нужно, чтобы у нас была надежда и наша вера. Мы должны быть верующими и не на словах только, а на деле. . . Вера, Надежда, Любовь — должны быть нашими добродетелями.

Не должны мы еще забывать, что храм и школа жизни. Мы отсюда начинаем обучение, как нам надо жить. Обу-

чение наше начинается через приобщение к Святыне, через напутствие церковное. Все случаи жизни у нас должны начинаться через Церковь: тут мы крестимся, воцерковляемся, исповедуемся, приобщаемся, венчаемся и, когда умираем, — нас здесь отпевают. По сути, вся наша жизнь должна пройти через Церковь.

Отчего мы сейчас пошли по распутьям? Отчего такая греховность? Отчего мы слабовольные? Отчего семейная жизнь не устроена? — Оттого, что мы не знаем Церкви, не понимаем что значит в нашей жизни Церковь. Даже не понимают этого как следуют те, которые посещают храм. Всем нам нужно ВОЦЕРКОВИТЬСЯ, чтобы наша жизнь была нормальной. И как грустно станет, что вот

хотя бывает и полон храм, подчас, но как все-таки нас мало в Церкви. Как много людей, которые в не Церкви, в не Корабля спасения, в не вечности. Не под сенью Животворящего Креста Господня. Пожалеем их! Помолимся не за себя только, а и за них — кто вне Церкви, кто на распутьи, кто над бездной, Господи, спаси их!

А теперь снова обратимся к себе.

Чтобы надежно быть в Церкви. Чтоб была крепка наша вера нам нужно, чтобы мы знали Евангелие, Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Потому в прошлый раз я поставил вам вопрос: имеется-ли у вас Евангелие, Новый Завет? Читаете-ли вы его? — Это вопрос не праздный.

Вместо венка к подножию памятника генералу А. А. Власову

Дорогие друзья власовцы, приближается очередная годовщина злодеяния, совершенного коммунистами над вождями Освободительного движения народов России — над генералами Андреем Андреевичем Власовым, Василием Федоровичем Мальшикиным, Федором Ивановичем Трухиным, Георгием Николаевичем Жиленковым и иже с ними, всего их было 12 человек. Однако за ними последовали десятки тысяч безымянных жертв, наших друзей и боевых товарищей, принявших мученическую кончину в застенках тюрем и в штрафных лагерях КГБ, и даты смерти их нам не известны, а имена их Ты, Господи, веши. А потому, пусть предстоящий траурный день будет поминальным днем для всех, ставших под знамена Освободительного движения народов России, и за свободу России живот своей положивших.

Знайте, что 2-го августа, когда вы в Нью-Йорке у памятника А. А. Власову склоните колени в молитве, мы, власовцы во всем мире мысленно будем с вами и присоединим свою горячую молитву к вашей — да помянет Господь души наших героев-мучеников во Царствии Своем и учинит их в селениях праведных! Для нас же, оставшихся в живых, чтобы продолжить по мере сил и возможностей наше общее дело, пусть эта ежегодная траурная годовщина послужит символом объединения, дабы каждый из нас имел возможность черпать из него силы для дальнейшей деятельности.

В этот исторический день, в день тридцатой годовщины гибели наших вождей, мне хочется оглянуться назад и вспомнить физический и духовный облик каждого из них. С болью в душе вспоминаю, с каким спокойствием они стали на тернистый путь освободительной борьбы, и с какой уверенностью каждый из них шел к своей цели. Компромиссов не было и быть не могло. Решение было принято: свобода или смерть! И чашу горечи им пришлось выпить до дна, и сколько горячих сердец, жертвенных идей и несбывшихся надежд ушло с

ними в могилы... Тяжелое поражение нанесли в 1945 году Освободительному движению победители-демократы. Вспоминая теперь те далекие сокрушительные дни, представляю себе, какое презрение и омерзение должны были питать Власов и его соратники к тем безумцам, которые своих же единомышленников и благожелателей выдавали на растерзание своим потенциальным врагам. Что думали предатели о свободолюбии своих собственных народов, о своих вековых гуманных традициях, которыми они так кичились перед остальными народами, подписывая презренное ялтинское соглашение? Они не задумались над тем, что подписывают смертный приговор борцам за свободу, в угоду палачам и инквизиторам двадцатого века, что своей подписью под соглашением они стали соучастниками большевистских злодеяний и толкнули на гибель не только тех, кто пытался вырваться из коммунистической неволи, но и целый ряд народов Европы. Мало того, — чтобы оправдать себя, они заклеили свои жертвы ярлыком «изменника родины» и тем самым совершили двойное преступление по отношению к людям, которые в 1942-м году в Париже и в 1944-м году в Праге открыто и во всеуслышание декларировали свои освободительные идеи. Наклеивая этот ярлык союзники Сталина знали к тому же, что обвиненные не могут опровергнуть обвинение, ибо они очутились уже в руках Сталина. Но сказано в Священном Писании: кто сеет ветер, пожинает бурю. Сразу же после поражения Германии, на глазах у своих союзников, большевики коммунизировали треть Европы и вышли на новые исходные позиции. Не могло союзникам и то, что они так услужливо поставляли Сталину его взбунтовавшихся подданных, выдавая их на расправу. Страшные картины выдачи людей в Платтлинге, в Дахау, Кемптене и Лиенце да будут вечным укором как для тех, кто продиктовал их, так и для тех, кто приложил к ним руку.

(Да простят мне эти упреки те офи-

церы американской, английской и французской армий, которые тогда, вопреки приказам своих правительств, помогали подлежащим репатриации, чем могли. О них мы помним и всегда будем вспоминать с благодарностью).

22 февраля 1946 года, когда предстояла очередная выдача власовцев в Платтлинге, отец Георгий Граббе, Г. Ганзюк и пишущий эти строки поехали во Франкфурт к главнокомандующему ген. Айзенхауэру просить отложить выдачу власовцев и пересмотреть их дело. День был воскресный и генерал был в отъезде. На запрос дежурного по штабу полковника генерал приказал передать нам, что выдача людей, о которых мы хлопочем, производится по распоряжению американского правительства, к которому мы и должны обратиться по дипломатической линии. В день выдачи генерал Айзенхауэр был в Берлине, в гостях у ген. Жукова на торжествах Красной армии, а в Платтлинге с раннего утра команда Эмпи с бельми дубинками в руках проводила выдачу людей на репатриацию. Люди кончали с собой, резались бритвенными ножами и оконными стеклами, а их сваливали в грузовики и в товарные вагоны и по счету сдавали большевикам. В тот день было выдано две тысячи власовцев, и Эмпи, производившие ее, выходили из лагеря с уже покрасневшими от крови дубинками. И это только один пример из очень многих результатов альянса демократий с большевиками...

Но в заключение друзья, я хочу сказать, что как бы ни были тяжелы наши потери, никому из нас не следует гнаться под их тяжестью. Жертвы наши не пропали даром. Какие бы конференции мира ни созывались в Европе и Америке, агрессия коммунистов на свободный мир продолжится и будет продолжаться. А на фоне трагического положения народов свободного мира пример Власовского движения и через тридцать лет светлым маяком указывает людям путь к спасению.

К. Кромпади

Памяти первого редактора „Зарубежья“ Е. И. Мамукова

1 февраля 1976 года в одной из пригородных больниц города Мюнхена на 85-ом году жизни, после краткой но тяжелой болезни, причастившись Св. Таинств, скончался Евстафий Игнатьевич Мамуков. Весть о его кончине быстро облетела русский Мюнхен, распространилась на Франкфурт, передалась в Южную и Северную Америку, в далекую Австралию — всюду, где есть друзья и почитатели покойного.

Мы говорим о почитателях, потому что трудно найти другое слово для определения нашего отношения к Евстафию Игнатьевичу. Пожалуй, самое первое, что бросилось в глаза при знакомстве с ним, были его абсолютная честность, жертвенность и какая-то необычайная стремительная и увлекающая активность. Он сохранил эти качества всю свою жизнь, от ранней молодости до самой глубокой старости.

Е. И. Мамуков родился 12-го сентября 1891 года в станице Александрово-Невской, недалеко от города Грозного. Он унаследовал от своих предков и всю жизнь бережно хранил рыцарские традиции своего Терского казачьего войска. Во время первой мировой и гражданской войны, его верность казачьим традициям потребовала от него подвига солдатского.

До Страшной Смуты он и не думал быть солдатом. Окончив среднюю школу, Е. И. поступил в Тифлиское землемерное училище. Сам выросший на земле, он, как и вся наша тогдашняя интеллигенция, знал что Россия должна разрешить земельный вопрос. Без этого не могла быть достигнута социальная справедливость. В 1913-м году он блестяще окончил училище со званием землемера. Однако ему не суждено было участвовать в мирном строительстве.

Наступила первая мировая война, и, конечно, Евстафий Игнатьевич пошел добровольцем на фронт. Но русская армия 1914 года не была слепой военной машиной. Идеальный, образованный молодой человек был замечен и направлен в военную школу по своей специальности, то есть в Военно-топографическую Академию в Петербурге.

В 1916 году Е. И. Мамуков, выпускник академии, производится в первый офицерский чин — подпоручика.

Конечно, военный топограф с академическим значком, это типичный штабной офицер. В 1916 году поручик Мамуков служит в штабе IX Армии, в 1917—1918 — в штабе 36-го Армейского Корпуса. Штаб — это мозг и план военных операций. Однако, оказывается, что у поручика Мамукова есть еще и совсем другие таланты: он исключительно надежный строевой офицер. На том участке, где стоит Мамуков, враг не проникнет. Ни

внешний враг — красные военные формирования, ни внутренний враг — агитаторы из числа собственных солдат. Он бросается в бой, он ведет за собой солдат, он трижды ранен. В конце концов он оказывается на ключевой позиции — начальник личной охраны Главнокомандующего: что бы ни произошло, как ни велики будут потери, но Главнокомандующий останется невредим, его защищает сотня хабрецов под командованием капитана 1-го класса Е. И. Мамукова.

Как ни тяжела была эмиграция, она не сломила Евстафия Игнатьевича. После короткого пребывания в Турции на положении беженца, он переезжает в Югославию, работает по своей профессии — топографом. В это время правительство, впервые за все существование страны, создает топографические карты Югославии. Е. И. проводит несколько лет в топографических экспедициях, делает съемки, заносит их на карты. Одновременно он учится в университете, чтобы окончательно перейти к мирной жизни, вернуться в большой город, в центр культурной жизни, где русская интеллигенция усиленно ищет новых идей для преодоления революционного дурмана.

Трудна эмигрантская доля. Жизнь в экспедициях, а в Белграде жена и ребенок. лень, болезни. На целый год сваливает его туберкулез легких. И все таки в 1929 году Е. И. получает звание архитектора, а в 1934 году звание дипломированного инженера. Теперь он ведет собственное строительное предприятие и, конечно, участвует в русской политической жизни.

В это страшное время сталинской диктатуры в России и сплошной коллективизации, здесь в Белграде напряженно ищут новых путей возрождения национальной России. Работа ведется в разных направлениях, опровержение марксистской философии, выработка новой идеологии, разработка социальных и экономических проблем, политическая программа, которая должна прийти на смену программе ВКП(б). Однако все эти pomysлы оправдаются только в том случае, если новое политическое движение поставит во главу угла честное отношение к нашему прошлому и настоящему, жертвенное самозабвенное служение своему народу и постоянную, непрерывную деятельность. И именно по этим признакам Е. И. Мамуков, воплотитель и носитель этих качеств, становится председателем Югославского отдела Национального Союза Нового Поколения.

Молодая, славянская, православная Сербия представляла самую лучшую почву для развития русского антибольшевицкого движения. Одни и те же христианские духовные корни, свежесть и интенсивность пережива-

ния политических идей, непримиримость к атеистической диктатуре, вера в демократический парламентаризм, делали Югославию идеальной почвой для роста русского национального движения. Но все рухнуло под ударом нацистской Германии.

Первое время войны Евстафий Игнатьевич остается в Сербии, но вскоре он решается на радикальный путь: едет в самый центр нацизма в Берлин, устраивается на работу по специальности и приступает к подпольной политической работе. Эта работа ведет его дальше на восток. Со временем он переезжает на юг России, на территорию оккупированную немцами. В ряде крупных городов и до сих пор есть люди, которые помнят его пламенные речи против большевиков и против нацистов, за свободу, за национальную Россию. По понятным причинам еще не наступило время, чтобы подробно описывать этот период жизни Евстафия Игнатьевича.

В конце второй мировой войны Е. И. оказывается опять в армии. На этот раз он в Русской Освободительной Армии генерала Власова. У него очень скромный чин капитана, но у него большое личное влияние, он лично знает А. А. Власова, многих генералов и старших офицеров штаба, он освещает их военное мышление идеологией русского национального дела.

Последние месяцы перед концом войны Е. И. оказался единственным еще не арестованным руководителем русского национального подполья на территории Германии. Он переходит на нелегальное положение, живет без прописки, ночует в битком набитых поездах, ездит с места на место, чтобы связывать и структурировать децентрализованные группы единомышленников в частях РОА, на заводах, в лагерях для советских военнопленных, заботится о сидящих в тюрьмах и концлагерях.

Под конец войны жизнь русских людей была под двойной угрозой. С одной стороны, нацисты применяли все более жесткие меры к подавлению русского подполья — арестовывали, сажали в лагеря, истязали, расстреливали. С другой стороны на территориях, занимаемых Красной Армией зверствовали красные карательные отряды СМЕРШа. В этих условиях главной задачей стало спасение жизни.

После капитуляции Германии Е. И. еще очень долгое время был занят спасением советских беженцев от принудительной репатриации. Живя в Мюнхене, он разъезжал по всей Баварии, посещал лагеря для беженцев, давал советы, снабжал документами, устраивал на работу, боролся против разных советских репатриационных миссий и комиссий, стремившихся захватить каждого советского человека,

Как правило, все начиналось с чисто земных, материальных вопросов: что почем, как устроился, сколько зарабатываешь и что можно купить на эти деньги, можно ли свободно передвигаться по Европе, легко ли дается язык, могли бы они, например, с такими-то специальностями устроиться на работу и т. д. Говорили, что ежедневно читают, что тут кризис и безработица и они не понимают, почему люди так хорошо одеты, и магазины ломятся от товаров. Интересовались что такое пособие по безработице, часто ли бывают забастовки, правда ли, что всех левых, настроенных дружелюбно к Советскому Союзу, сажают в тюрьмы и т. д. Одна девушка даже спросила: «Скажите, а у вас не могут быть неприятности, за то, что вы с нами беседуете?».

Некоторые только этой темой и ограничивались, спрашивая еще, где можно «запнать» (продать) бутылку «Столичной» или баночку русской икры (с каким трудом они доставали «по-блату» эту самую баночку!)?

Каждый хотел привезти из Инсбрука какой-нибудь сувенир, безделушку с эмблемой Олимпиады, но у туристов и на такой пустяк не хватало денег, а спортсмены и «командировочные» копили на какую-нибудь вещь (чаще всего на радиоприемник, гассетный магнитофон или что-нибудь из одежды и обуви).

С одними мы ограничивались только разговорами и разъяснениями, другим назначали второе свидание, приглашали на кружку пива, дарили сувениры. В интимной беседе с глазу на глаз «развывались языки» очень у многих. Нам рассказывали о жизни (многие были из провинциальных городов), о ежедневных заботах, о сестри и скуке, о невозможности что-либо купить, даже имея деньги и т. д. и т. д. После таких откровенных разговоров, было естественным предложить им что-нибудь почитать. И за редким исключением, на это соглашались все, хотя многие честно предупреждали, что они вряд-ли рискнут провозить с собой литературу, но здесь охотно почитают все, что мы им дадим и предлагают почитать надежным друзьям. Это касалось, в основном, художественной и политической литературы: Библию же, Евангелие, молитвенники, особенно карманного формата, брали на расхват, по несколько экземпляров, надеясь провезти это с собой и, считая, что даже при «шмоне» за такую литературу особых неприятностей не будет; ну, отберут в крайнем случае... Таможенники провоз библии считают не «идеологической диверсией», а «экономической» и, отобрав ее, тут же сами несут на «черный рынок». Нередко просто пропускают, если находят один-два экземпляра.

Эту первую и самую значительную, по количеству группу туристов, мы условно называли «экономистами», в

отличие от второй группы «политиков». Это, как правило, люди интеллектуальных профессий, купившие путевку за ее полную стоимость (многим от 30% до 60% стоимости оплачивал профсоюз и спортобщества), т. е. от 900 до 1400 рублей, что составляет 8—9 месячных зарплат учителя, врача, инженера. Среди этой группы были и актеры, «киношники», художники и т. д. Конечно, это не открытые диссиденты, инакомыслы и противники режима, а люди «надежные и проверенные» (не проверенных «пущать не велено!»), уже и заграницей побывавшие.

Такие, убедившись, что мы не провокаторы и не гебешники, сами просили литературу, просявив при этом хорошее знание эмигрантской литературы и издательств.

Их характерные просьбы:

Солженицын, Сахаров, Пастернак, Синяевский, Медведев, Марченко, Кузнецов, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Бельгий, Бунин, Волошин, Ходасевич, Набоков, Замятин и др.

Были и такие, которые интересовались книгами Авторханова, Джиласа, Шапиро, Михайлова, Редлиха, просили «что-нибудь о лагерях и психушках», спрашивали «Вестник», «Русскую мысль», «Зарубежье», «Посев», «Грани», «Новый журнал».

Был один молодой человек с Урала, который интересовался русской религиозной, богословской и философской литературой. Он просто передал мне конкретный список книг Бердяева, Шестова, Франка, Лосского, Розанова, Вышеславцева, С. Булгакова, Ельчанинова, о. Дм. Дудко, Шмемана, Краснова-Левитина, отд. номеров «Вестника» и «Зарубежья», книг «Вехи» и «Из-под глыб», статей Солженицына, Шафаревича, Борисова. Когда я ему на следующий день принес довольно солидный пакет, то естественно, спросил, как он собирается провезти этот «взрывчатогоопасный материал». Улыбнувшись, парень сказал: «Небось, не первый год замужем, у меня свой безотказный метод с гарантией!». И хочется верить, что этот «груз» уже на месте и «тиражируется» энтузиастами, которые твердо решили «жить не по лжи», рискуя всем и неся свет правды в народ.

И наконец, третья, малочисленная и малопривлекательная в общении группа по нашей квалификации — «бизнесмены» или «жучки». Запрещенная литература — для них предмет спекуляции. Они осторожны, редко просят книги сами, зато, охотно подбирают их там, где они лежат, если их никто не видит. Некоторые из них готовы даже купить книги, продав свой стандартный набор: фотоаппарат, часы, икра, водка, «советское шампанское». Если же они прониклись к вам доверием, то бывают страшно благодарны и по-моему, удивлены, когда им даришь книгу Солженицына или Сахарова (валюта-!!). Они же лучше всех

умеют «зачитать» книги так, что их и при «шмоне» не найдут. С одним таким «жучком» из Новороссийска я познакомился в антикварном магазине, когда он принес довольно дорогие и старые иконы (XVIII—XIX вв.). Разговорились. Он служил в торговом флоте, много лет возил контрабанду. Сам мастер спорта по боксу, тренирует юношескую спортивную школу. Книги он считает выгодным бизнесом и только. Сам он их якобы не читает, но со всеми названиями и авторами знаком хорошо. Его кредо: «Ну, дадут два-три года, а за валюту — сразу кокнут. А ведь деньги те же!».

Узнав, что я эмигрант, он сразу же спросил, не мог бы я его свести с людьми, которые снабдят его литературой (Солженицын, Сахаров, Хроника текущих событий, Хроника защиты прав человека) и что он готов купить книги Пастернака, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Набокова, Анненкова, Ремизова, Мережковского Гиппиус, Соловьева, Ивановых В. и Г., Розанова, Бердяева и других.

От него я узнал и цены «черного рынка» (здорово вздорожали книги за последние три года!).

«Архипелаг ГУЛаг» (карм форм.) — 100 руб. (2 тома); «Доктор Живаго» — 50 руб.; «Вторая книга» И. Я. Мандельштам — 50 руб.; «Континент» — 25 руб. за номер; «Грани» — 25—30; «Вестник» — 25—30; «Посев» — 10 руб за номер; Ахматова — 25—100 руб.; Гумилев (4 тома) — 400 (!) руб.; Мандельштам (3 тома) — 250 руб.; Цветаева от 25 до 100 руб. за сборник и т. д. Даже советские издания Пастернака, Белого, Бальмонта, Цветаевой, Мандельштама в большой серии «Б-ки Поэта» стоят от 40 до 70 руб. за том.

И люди, отказывая себе в лишней тряпке, в еде, при зарплате в 90—150 руб. в мес. идут и покупают эти книги.

По понятным причинам, я, к сожалению, не могу рассказать о некоторых очень интересных встречах, скажу только, что даже в самых отдаленных уголках нашей страны знакомы и с «Самиздатом» и с «Тамиздатом» и охотно читают каждое правдивое слово о своей стране. Особенно охотно берут литературу представители национальных республик — армяне, грузины, узбеки, казахи, прибалты и др. представители «великого содружества народов».

На четвертый день нашей «деятельной» поездки в город Гомель, где мы встретились с представителями «душеспасительные» беседы о бдительности, о достоинстве советского человека, были мобилизованы отряды комсомольцев для борьбы на «литературном фронте». Работать стало труднее — нас заметили. По пятам, как бывало на Арбате или на ул. Горького, стали следовать «литературоведы в штатском», не стесняясь даже пря-

Письма в редакцию

Известный русский историк Александр Алексеевич Волжанин-Нижегородец просил опубликовать следующее обращение ко всей общественности русского зарубежья:

Начиная с первых десятилетий XIX века в России появился ряд словарей о выдающихся соотечественниках:

1) «Словарь русских писателей» Евгения Болховитинова (1767—1837), бывшего митрополита Киевского и Галицкого;

2) «Словарь достопамятных людей Русской Земли» Дм. Ник. Бантыш-Каменского (1788—1850);

3) «Биографический словарь выдающихся русских людей» Серг. Ник. Кулибина (1862—1899), горного инженера;

4) «Жизнь замечательных людей России», отдельная библиотека, начало составления которой было положено в 1933 г. по инициативе писателя А. М. Горького, и до нынешнего года доведена до 577 отдельных биографических книг.

В течение последних 15 лет я посвятил много времени и труда составлению очередного и строго преемственного биографического словаря под названием «Замечательные люди многонародной 1100-летней России» и к концу 1974 года довел этот литературный труд почти до конца. К сожалению, тяжелая болезнь глаз и хирургические операции привели к весьма сильному ослаблению моего зрения, ввиду чего я был вынужден оставить свою литературную работу, выполнив ее приблизительно на 90—95 процентов (1000 страниц и более 2000 кратких биографических очерков).

В настоящее время я обращаюсь с горячей просьбой ко всей обществен-

«У ИСТОКОВ ЦЕРКОВНОЙ СВОБОДЫ!»

Лев Регельсон. История Русской Церкви эпохи гонений 20-х и 30-х годов.*

Автор настоящей книги принадлежит к молодому поколению русской интеллигенции. Он и его современники пришли к Православной Церкви путем сознательного обращения ко Христу.

Это первая — на русском языке — попытка написать очерк истории Русской Православной Церкви в страшные годы гонений. Напечатать свой труд на родине автор, конечно, не может.

Попытка собрать материалы о событиях и лицах, ответственных за жизнь Церкви есть не только исторический труд, но и весьма своевременный манифест преданности всему честному, чистому и святому в жизни Церкви.

* Книга печатается в издательстве ИМКА-ПРЕСС и должна выйти в течение 1976 года.

ности русского зарубежья помочь произвести окончательную отделку моего Словаря и, по возможности, издать его на русском или английском языках.

В первую очередь я прошу активного содействия со стороны представителей русско-американского Конгресса в США, русской научно-академической группы в г. Нью-Йорке и достойных авторитетных сотрудников нового эмигрантского журнала «Континент», издаваемого в Западной Германии.

В целях непосредственного ознакомления с рукописями вышеозначенного Словаря и получения необхо-

димых справок надлежит обращаться по следующему адресу:

1. A. Volshanin. Toreyton Manor, 59 Bayville av. Bayville. N. Y. 11709, USA.
2. L. F. Magerovsky. Columbia University, 1. A. 210, The Libraries, New-York, N. Y. 10027, USA.

Убедительная просьба опубликовать настоящее обращение и в других органах периодической печати русского зарубежья.

20 марта 1975 г.

Александр Алексеевич Волжанин-Нижегородец

ПИСЬМО РУССКИХ СКАУТОВ

В одном из своих обращений к русским скаутам и разведчикам, датированном 25 сент. 1969 г., ныне покойный старший русский скаут полковник О. И. Пантохов сказал: „Не только нам, но и всем русским людям, знающим о наших организациях НОРС и ОРЮР, хотелось бы видеть русских скаутов и разведчиков воссоединенными в одну обратскую семью или хотя бы в одно братское содружество. Я рад сказать, что в настоящее время я не вижу никаких поводов для разъединения, а все мы видим хороший повод для воссоединения — вполне ясный для всех нас, наш закон о братстве. И у ОРЮР, и у НОРС те же одинаковые законы, те же правила и тот же общий девиз — «Будь готов!» и тот же лозунг — «За Россию!»».

В настоящее время мы, нижеподписавшиеся ответственные руководители двух братских скаутских организаций, отошедших друг от друга после второй мировой войны по ряду причин, связанных с трудностями послевоенной обстановки, доводим до сведения русских людей, что созрело время для сближения и объединения НОРС и ОРЮР снова в одну организацию.

Мы торжественно заявляем о нашем единстве во взглядах, о нашем общем стремлении осуществить заветную мечту основателя русского скаутского движения Олега Ивановича Пантохова и о нашей готовности идти на воссоединение вверенных нам двух организаций на благо русского юношества и во имя будущей национальной России.

Да поможет нам в этом Господь Бог и наш небесный покровитель св. Велikomученик и Победоносец Георгий.

Всегда готовы! За Россию!

Начальник национальной организации русских скаутов

Хроника зарубежной жизни не могла быть составлена из-за болезни сотрудника редакции, ведущего этим разделом.

Скм. В. В. Красовский,
заместитель старшего русского скаута,
Старший скаутмастер Организации
российских юных разведчиков
Скм. П. А. Уртьев.
Сан-Франциско, Кал., США.
8 февраля 1975 г.

Алексей Епишев (Генерал Армии, начальник Главного политического управления Советской Армии),
Идеологическая борьба и военные вопросы, Военное изд-во, Москва.
Автор в своем труде подтверждает доктрину Брежнева: каждое социалистическое государство имеет наряду со многими правами, также и свои обязательства. К последним относится обязанность защищать «основы социализма» в других, «братских» социалистических странах. Это еще одно доказательство «права» Советского Союза вмешиваться во внутренние дела так называемых народных демократий.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин
Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
Postfach 860327
8000 München 86
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 25.00784.01
Банк: Reuschel & Co.
Ismaningerstr. 98, 8000 München 80

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14